коллекция журнала

ФОМА

Читаем с детьми на Рождество

ePUB

Представляем очередное издание из серии "Коллекция журнала "ФОМА" для электронных книг и программ чтения книг в форматах ePUB и FB2 на мобильных устройствах.

Серия "Коллекция журнала "ФОМА" основана на материалах редакции.

ВНИМАНИЕ! Полные выпуски доступны в приложении Журнал "ФОМА" в AppStore и GooglePlay, а также вы можете получить их оформив редакционную подписку на оригинальное бумажное издание.

ИД "ФОМА"

2018 г.

(С)

Оглавление

Читаем вместе с детьми на Рождество

1. Елки на потолке и вертепы на санках
2. Детям и взрослым о святителе Иоанне Шанхайском
3. Святые в море
4. Удивительная история святого врача
5. Растения в Евангелии
6. Где родился Дед Мороз

От издателя

Елки на потолке и вертепы на санках

Удивительная история рождественских традиций

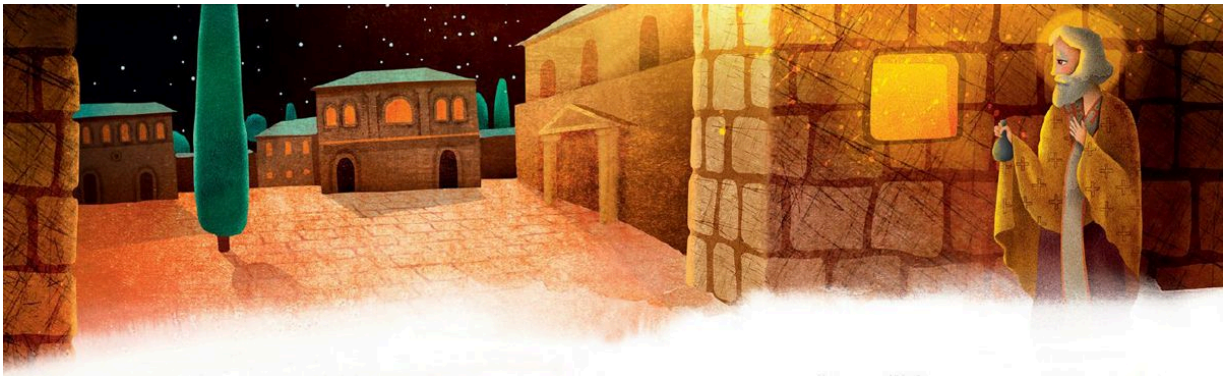
Слово автора

Рождество — самый удивительный зимний праздник! Вроде бы холодно вокруг, снега, морозы, вьюга метет за окнами. А на душе у всех тепло и радостно, словно утром в день рождения. Когда просыпаешься — и понимаешь, что сегодня будет и праздничный стол с разными маминими вкусняшками, и поздравления, и подарки. Вот так и в Рождество сердце тихо замирает в ожидании какой-то большой радости. Рождество ведь и есть день рождения Иисуса Христа. В этот день две тысячи лет назад в далекой Палестине родился маленький Мальчик, в котором Бог навсегда соединил Себя со всем материальным миром. Потому и празднует весь мир это удивительное событие — Рождество Христово. Люди поздравляют друг друга, дарят подарки, готовят праздничное угощение. Ну а в доме, конечно же, ставят рождественскую елку. Ее наряжают красивыми игрушками, на верхушку надевают сияющую звезду, а под нижние мохнатые ветки каждый ставит свой сапожок или валеночек. Зачем? Странный вопрос — ведь даже малышам известно, что в рождественскую ночь, когда все уснут, Санта-Клаус тайком

пробирается в дом и оставляет под елкой подарки. А сапожок нужен, чтобы Санта-Клаус не перепутал, кому какой подарок он принес.

Вот вроде бы все и выяснили — что и как нужно делать на Рождество. Но откуда же взялись эти праздничные традиции? Почему именно елка стала рождественским деревом? Что за звезда у нее на верхушке? А самое главное — кто такой Санта-Клаус? Зачем он прячется от людей и почему бы ему не принести свои подарки днем, а не ночью? Почему Святого Николая считают самым добрым святым и кто старался подражать ему в своей жизни? Ответы на все эти вопросы вы найдете в нашей новой книге для семейного чтения в праздничные дни.

Александр Ткаченко

Сейчас Санта-Клаус изображается румяным круглолицым стариком в красной шубе. Он развозит подарки на санях, запряженных шестеркой оленей, а чтобы положить их под рождественскую елку, пробирается в дом по дымоходной трубе.

Но если бы мы увидели настоящего Санта-Клауса, мы бы очень удивились тому, насколько же он не похож на привычный нам образ с поздравительных открыток.

Имя «Санта-Клаус» в переводе на наш язык означает святой Николай. Или, как его еще называют, Николай Чудотворец. Это один из самых почитаемых святых в русском народе. Правда, хотя борода у него и имеется, но в остальном он совсем не похож на румяного толстяка Санту. Его иконы мы можем увидеть, зайдя в любой православный храм. На них изображен худощавый старец с добрым и немного печальным взглядом. Добрым — потому что святой Николай очень любил людей. А печальным — потому что слишком много видел вокруг себя людского горя. И каждому страдающему человеку старался помочь в его беде.

Однажды, когда Николай был еще совсем молодым и служил священником в городе Патары, он внезапно получил очень большое наследство. Денег у него теперь было так много, что просто не сосчитать. Оставалось только купить себе на них богатый дом в центре города и зажить в нем припеваючи — одеваться в белоснежные шелковые одежды, есть изысканную еду с золотых подносов и

запивать ее прохладным вином из запотевшего кувшина. Именно так жили богачи в Патарах. Но святой Николай каждый день встречал в храме людей, которые иногда не имели даже куска хлеба для дневного пропитания. В городе были целые кварталы, населенные бедняками и нищими. И Николай решил раздать свое имение тем, кто нуждался в помощи. Только избрал для этого очень необычный способ — он приносил пожертвования людям по ночам и тайком.

Так добрые поступки святого Николая стали основой для легенды про сказочного Санта-Клауса. Ну а как иначе? Ведь Рождество же — Христово! И Николай Чудотворец — святой христианский.

Ну, с Санта-Клаусом и с подарками, вроде бы, разобрались. Но почему эти подарки кладут именно под елку? Быть может, у разорившегося купца, которому помогал Николай Чудотворец, тоже в доме стояла елка, и святой бросал свои мешочки с золотом к ее подножью?

Нет, друзья, на рождественские праздники елка пришла из совсем других краев — с тех европейских земель, на которых сегодня расположена Германия. И началось это ее путешествие на христианский праздник со срубленного дерева. Правда, деревом этим была вовсе не елка, а могучий дуб. Впрочем, начнем по порядку.

Давным-давно, на землях, которые потом станут Германией, жили языческие племена, поклонявшиеся деревьям. Их жрецы — друиды — говорили, что в деревьях живут могучие божества, которым нужно приносить жертвы. И вот однажды к друидам пришел христианский священник, которого звали святой Бонифаций, и стал им объяснять, что деревья — это просто деревья. И никаких божеств в них нет. А настоящий Бог — это Иисус Христос, сотворивший небо, море, землю и все деревья, которые на ней растут. Друиды переглянулись и стали

смеяться над странным пришельцем, показывая на него пальцами и говоря друг другу:

— Вот ведь какой чудак к нам пожаловал! Это же надо такое придумать — в деревьях нет божеств!

Святой Бонифаций посмотрел на них внимательно и спросил:

— Что мне сделать, чтобы вы мне поверили?

Друиды посовещались и ответили:

— В лесу растет огромный дуб. В нем живет наше главное божество. Попробуй надломить на дубе хотя бы одну ветку и увидишь, как страшно божество тебя покарает!

— Ну что же, показывайте, где растет ваш дуб, — сказал святой Бонифаций.

Друиды привели его в лес и указали дуб. Тогда Бонифаций взял топор и стал рубить его так, что только щепки полетели во все стороны. Друиды с ужасом наблюдали, как огромное дерево с оглушительным треском рухнуло, ломая все деревья на своем пути. Только стройная молодая елочка каким-то чудом уцелела во время этого падения. Никакое божество, конечно же, Бонифация не покарало. Растерянные друиды смотрели на все это и не понимали, как им жить дальше. Тогда святой Бонифаций подвел их к той самой уцелевшей елочке и сказал:

— Раз уж вы так любите деревья, пускай эта ель станет для вас символом новой истиной веры — христианства.

С тех пор германские племена называли елочку деревом Христа.

Было ли все это на самом деле или же это всего лишь красивая легенда, сегодня уже и не узнаешь. Но встречать Рождество с елкой в Германии принято уже много столетий. А вот обычай наряжать елочку возник сначала лишь в одной из германских земель — Эльзасе. Почему только там? А потому, что лишь в Эльзасе елку ставили на пол. В остальных же германских областях на праздник деревце… подвешивали к потолку верхушкой вниз, словно красивую зеленую люстру. В общем-то ничего в этом плохого нет: и красиво, и елкой в доме пахнет. Одна беда — игрушки на такую елку уже не повесишь. И лишь жители Эльзаса никогда не знали этой проблемы. Елочку они ставили на пол у стены и вешали на ее пушистые лапы различные сладости и фрукты. Посмотрели соседи на эльзасцев, почесали в затылке и тоже перестали елку к потолку подвешивать. Начали ставить и наряжать. Так ведь намного красивее и удобнее!

Еще одна рождественская традиция — делать вертеп. Правда, сохранилась она сегодня только в Церкви, но когда-то была очень распространена и в семейных праздниках. «Вертеп» по-славянски значит «пещера». Но какое отношение пещера имеет к Рождеству? Дело в том, что Иисус Христос родился как раз в пещере, где прятался от непогоды домашний скот — ослики, волы, овцы. Он родился, когда Его родители путешествовали в чужих краях и никто из жителей городка Вифлеем не захотел пустить их в свой дом. В пещере-вертепе мама спеленала Его и положила в ясли — так называется решетчатый ящик для сена. Это была первая детская кроватка Иисуса. А хозяевам пещеры-вертепа — пастухам, которые пасли скот на далеком пастбище, — явился сияющий Ангел. Пастухи очень испугались, но Ангел сказал им: «Не бойтесь; я возвещаю вам великую радость, которая будет всем людям: ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь; и вот вам знак: вы найдёте Младенца в пеленах, лежащего в яслях». И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: «Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение!» Пастухи оставили свое стадо, отправились к вертепу. И увидели там Младенца. Пастухи обрадовались и рассказали Маме Иисуса, как им явился Ангел. А над пещерой в небе загорелась звезда,

указывая путь волхвам — звездочетам из далекой страны. В своих ученых книгах они прочитали, что Спаситель мира родится под новой звездой. Звездочеты отправились в путь и нашли маленького Иисуса в городке Вифлеем. Они поклонились Ему и поднесли дары, которые привезли с собой из далекой родной страны.

Вот такой игрушечный вертеп-пещеру и делают на Рождество дети и взрослые. Вырезают из фанеры гору с пещерой, делают фигурки животных, пастухов, звездочетов, обклеивают их цветной бумагой, а фигурки ангелов — золотой и серебряной фольгой, чтобы было видно, как они сияют. В самом центре вертепа ставят игрушечные ясли с фигуркой Младенца. В общем, делают такой маленький кукольный театр, в котором изображены события Рождества. А потом ставят рядом с фигуркой Младенца зажженную свечу. И в темноте кажется, будто свет идет от родившегося Иисуса. А еще вертеп украшают еловыми ветками. И кто знает, быть может, и традиция рождественской елки в доме тоже имеет похожий смысл? Ведь елка своей формой похожа на гору. На верхушке у нее — звезда. Самыми распространенными елочными игрушками когда-то были стеклянные и бумажные ангелы. А у подножья зеленой красавицы в домах до сих пор ставят фигурки. Правда, вместо волхвов и пастухов там сегодня расположились Дед Мороз и Снегурочка. Зато подарки под елкой напоминают не только о добрых делах святого Николая Чудотворца, но еще и о тех дарах, которые две тысячи лет назад волхвы принесли маленькому Иисусу на Его Рождество.

Вертеп на санках

В Церкви вертеп ставят возле входа в храм. Все дни рождественских праздников он радует глаз прихожан. Если родители пришли в храм с детьми, они могут вместе с ними вспомнить, кто такие волхвы, почему рядом с Младенцем стоят волы и ослики и что за звезда сияет на вершине вертепа. Но были времена, когда вертеп ставили на санки и возили по всей деревне, от дома к дому. И для каждой семьи вертепщики устраивали маленькое представление своего кукольного театра. В представление обязательно входили ритуальные переговоры, когда вертепщик с разными прибаутками спрашивал у хозяев дома — хотят ли они увидеть спектакль, а хозяева отвечали — да, хотим. Тогда вертепщик начинал изображать кукольную историю Рождества, поочередно озвучивая фигурки разными голосами и распевая короткие песенки, в которых пересказывалось содержание праздника Рождества.

Понятно, что перевозка вертепа по деревне уже сама по себе была событием, особенно — для ребятишек. Дети дружной толпой сопровождали вертепщика, пели рождественские песни, а впереди процессии несли на длинных шестах вифлеемскую звезду из картона и зажженный фонарь со свечой внутри. Ну и, конечно же, с радостью смотрели каждое представление. А еще за помощь вертепщику получали от хозяев дома свою порцию гостинцев с праздничного

стола. Называлось все это действо — колядование, а песни и стихи, в которых дети славили родившегося Христа, — колядки.

Сейчас вертеп уже никуда не возят. Зато процессию ребят, идущих в праздничные дни по улице со звездой и фонарем, можно увидеть во многих небольших городах России. Обычно это ученики воскресной школы при местном храме. На Рождество они ходят по домам прихожан, поздравляют их с праздником и поют колядки, славящие Рождество.

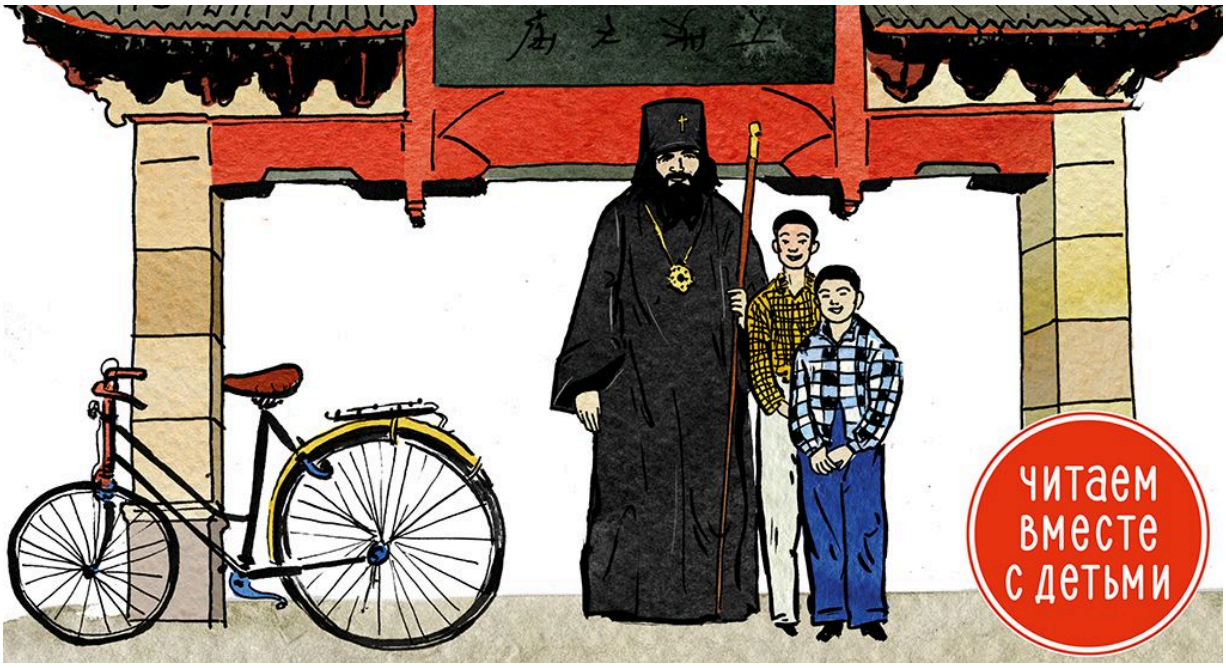
* * *

За последнее столетие мир вокруг нас изменился до неузнаваемости. Люди научились летать в космос на ракетах, опускаться на дно океана в глубоководных батискафах, мгновенно получать любую информацию с помощью компьютера, который сегодня лежит в кармане у любого школьника. Но точно так же, как и много веков назад, Рождество остается главным праздником для миллионов жителей нашей планеты. И все рождественские обряды — будь то колядки, украшение елочки или строительство вертепа — помогают нам сегодня прикоснуться к радости той далекой ночи в Вифлееме, когда под сияющей в небе звездой на землю пришел наконец долгожданный Сын Божий — наш Господь Иисус Христос.

Рисунки Юлии Каменщиковой

Чудеса без волшебной палочки

Детям и взрослым о святителе Иоанне Шанхайском

Как выглядит святой человек? Наверное, очень многие из нас ответили бы на этот вопрос примерно так: святой — это величественный старец с длинной седой бородой. Он облачен в белый плащ, от него исходит неземное сияние, и творит он всяческие чудеса на пользу добрым людям. Всё тут вроде бы правильно. Но уж очень этот образ напоминает какого-то сказочного волшебника. Ведь волшебники в сказках тоже творят чудеса, также имеют величественный вид, носят такие же белоснежные плащи. Да и бороды у них, кстати сказать, ничуть не короче. Вот и получается, что из-за этого внешнего сходства мы и святых тоже потихоньку начинаем воспринимать как каких-нибудь героев сказки или легенды.

В самом деле, мы ведь никогда не встречали в своей жизни человека, который бы мог без всяких лекарств исцелять неизлечимые болезни, читать чужие мысли, парить в воздухе, укрощать свирепые тайфуны и бури. Как же можно поверить, что всё это правда? Тем более что все

эти удивительные истории происходили со святыми много-много лет назад. И с тех пор люди пересказывали их из поколения в поколение. Могли ведь и присочинить чего-нибудь или что-то понять неверно — кто теперь знает, как оно там было в действительности…

Но в том-то и дело, что святые были в Церкви не только тысячу лет назад. Есть они и в наше время. Об одном таком удивительном человеке мы хотели бы сейчас рассказать. Правда, этот святой совсем не был похож на волшебника из сказки. Роста он был маленького, вида невзрачного, одежду носил старенькую и залатанную, да к тому же еще и страдал дефектами речи, так что не всегда можно было разобрать, что он говорит. Кто-то разочарованно скажет: ну и какой же это святой? Разве бывают такие?

А вот и бывают! Потому что чудеса он творил самые что ни на есть настоящие: безнадежных больных — исцелял, бурями и тайфунами — повелевал… а самое главное, жил этот святой совсем недавно: со дня его кончины не прошло и пятидесяти лет.

И о том, что его чудеса были выдумкой или ошибкой, даже речи быть не может. Ведь все, что о нем известно, рассказали люди, которые лично его знали и поэтому говорили лишь о том, что видели своими глазами.

Этому святому довелось пожить в самых разных местах нашей планеты: в России и в Америке, в Сербии и в Китае, во Франции и даже на далеком филиппинском острове Тубабао. И удивительное дело: везде, где бы он ни появился, люди очень скоро начинали почитать его как святого уже при жизни. Не за чудеса, вовсе нет! Это ведь только у сказочных волшебников важнее всего — чудеса. А для святого самое главное — любовь к Богу и к людям. Ко всем без разбора: к знакомым и незнакомым, к друзьям и врагам, к каждому, с кем сведет его жизнь. Вот такой любовью и обладал этот человек. А чудеса… Ну что о них скажешь, кроме того, что настоящее чудо

способна сотворить только настоящая любовь? Это ведь только сказочные волшебники творят свои чудеса с помощью магической силы или волшебной палочки. А у святых такой палочки нет, и чудеса они творят вовсе не своей силой. Просто когда святые видят, что кому-то плохо, их сердце начинает плакать от жалости. Они начинают молиться Богу с просьбой помочь страдающим людям. И тогда Бог по их молитве совершает чудо.

Вот так все происходило и в жизни героя нашего рассказа. Сам он был человеком невысоким, тщедушным и очень слабым от строгого поста. Но с ним всегда был Всемогущий Бог, для Которого нет ничего невозможного.

В Церкви этого святого называют Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (Максимóвич). Шанхайский — потому что он долгое время был епископом в китайском городе Шанхае, Сан-Францисский — потому что в Сан-Франциско владыка провел последние годы своей жизни и там покоятся его мощи. А Максимович — это просто его фамилия, потому что он был русский, и родился неподалеку от города Харькова в 1896 году. Правда, назвали его родители Михаилом, и с этим именем он прожил до тридцатилетнего возраста. А вот о том, как он стал Иоанном, почему оказался в далеком Китае и на совсем уж далеком острове Тубабао, мы сейчас и попробуем рассказать.

«Газета “Белград вечерний”! Свежие новости! Покупайте газету “Белград вечерний”!» — с такими криками на центральной улице югославской столицы продает газеты молодой человек весьма странной внешности. Моросит дождь, под ногами лужи и грязь, а на нем тяжелая шуба. Небольшого роста, грузный, широкий в плечах, с одутловатыми щеками и рыжеватыми малороссийскими усами…

Кто же это такой? А это он и есть — Михаил Максимович в возрасте двадцати пяти лет! Но как могло получиться, что потомственный русский дворянин, юрист с высшим образованием — и вдруг торгует газетами на слякотных улицах чужой страны? Ответ на это простой, но печальный: за четыре года до этого, в 1917 году в России произошла революция. Новая власть безжалостно убивала всех знатных людей страны, от царя до самого захудалого помещика. Чтобы спасти свою жизнь, семья Максимовичей вынуждена была бежать в Югославию.

Как и все беженцы, они очень бедствовали. Вот и пришлось Михаилу торговать газетами, чтобы содержать пожилых родителей и оплачивать свою учебу. Да-да, несмотря на все тяготы и лишения жизни на чужбине, он снова поступил учиться. В этот раз — на богословский факультет Белградского университета.

Обычно он вваливался в аудиторию с опозданием, густо покрытый уличной грязью, вынимал из-за пазухи засаленную тетрадку, огрызок карандаша и начинал записывать лекцию крупным почерком. Временами он засыпал, но как только просыпался, сразу возобновлял свои писания. Многие из его сокурсников любопытствовали, что за записи получались у Максимовича, но никто не решился попросить его дать их прочитать, потому что он был человеком замкнутым и малообщительным.

Так и хочется сказать: ну ничего себе студент! В испачканной одежде, нелюдимый, да еще и спит на занятиях! Однако не нужно торопиться с выводами. Потому что именно этот необычный студент станет впоследствии самым необычным епископом Русской Зарубежной Церкви.

А почему он засыпал на занятиях и вообще всю жизнь был сонлив — отдельная история, о которой мы сейчас расскажем.

Есть в Македонии город Битоль, а в нем — семинария (это такое заведение, где учат будущих священников). И вот в конце двадцатых годов прошлого века в общежитии битольских семинаристов происходили очень странные вещи. Глубокой ночью, когда свет уже давно был потушен и все студенты крепко спали, по комнатам начинал ходить человек в черной одежде. Он неслышно подходил к каждой кровати, склонялся над спящими, делал руками какие-то непонятные движения и что-то тихонько шептал. А потом так же неслышно выходил в коридор, закрывал за собой дверь и шел в следующую спальню. Что ему было нужно? Чем он занимался? Даже как-то страшновато становится за семинаристов. Зато сами семинаристы ни капельки не боялись человека в черном. Потому что это был наш старый знакомый — Максимович. Правда, теперь его звали уже не Михаил, а отец Иоанн.

Дело в том, что после окончания университета он принял монашество. А когда человек становится монахом, ему дают новое имя. Вот так Михаил Максимович и стал отцом Иоанном.

Причем надо же случиться такому совпадению: монашеское имя он получил в честь своего дальнего родственника — святителя Иоанна Тобольского.

Спустя четыре года после принятия монашества он был направлен преподавателем и воспитателем в битольскую семинарию. Днем он занимался с учениками богословием и другими науками, а по ночам обходил все спальни и усердно молился за каждого спящего семинариста, осеняя их всех по очереди крестным знамением.

Тогда же выяснилась и причина его постоянной сонливости. Дело в том, что он вообще не спал по ночам! Обойдя все спальни, он возвращался в свою келью и молился там до самого рассвета. А утром как ни в чем не бывало отправлялся на занятия. Отец Иоанн никому не рассказывал о своем аскетическом подвиге, и лишь благодаря одной глупой выходке его учеников об этом стало известно. Желая подшутить над преподавателем, они тайком подложили ему под простыню канцелярские кнопки. Но когда пришла пора менять белье, оказалось, что все кнопки на месте, а к постели отец Иоанн даже не прикоснулся.

Он никогда не ложился спать на кровать, лишь иногда кратко задремывал, сидя на стуле или стоя на коленях перед иконами. И до самой своей кончины не отступал от этого правила. Понятно, что при таком распорядке он иногда засыпал и днем. Но вот удивительное дело: стоило его собеседнику это заметить и прекратить разговор, как отец Иоанн тут же, не открывая глаз, тихо говорил: «Продолжайте, пожалуйста, я все слышу».

А один из его знакомых рассказывал об этой его способности и вовсе уж невероятные вещи: «Как-то вечером, во время беседы со мной в своем кабинете, отец Иоанн ответил по зазвонившему у него на столе телефону. Не знаю, с кем он тогда говорил, но никогда не забуду, как, продолжая беседу, он вдруг уронил телефонную трубку и задремал. Трубка лежала в подряснике на его коленях, а он, дремля, продолжал говорить с позвонившим ему человеком. По всем законам природы совершенно невозможно было спящему слышать того, кто позвонил, и уж тем более — отвечать ему во сне. Однако, по продолжительности и смыслу того, что он говорил, мне ясно было, что — чудесным образом — происходит разговор!»

Для семинаристов отец Иоанн очень скоро стал самым любимым преподавателем. Не было никакой проблемы, личной или общественной, которую он не мог бы сразу разрешить. Не было вопроса, на который он не смог бы ответить. Ответ его всегда был сжатым, ясным и исчерпывающим, потому что он был глубоко, по-настоящему образованным человеком. Но как это ни печально, а все же пришлось студентам проститься со своим любимым учителем.

В 1934 году его неожиданно возводят в епископы (это высший священный сан в Церкви) и отправляют служить на другой конец света

— в китайский город Шанхай.

В глухих шанхайских трущобах по кривым узким улочкам ходит босой человек в ветхой одежде. Иногда он останавливается возле какой-нибудь ночлежки и заводит разговор с нищими и бродягами. Потом идет дальше. У следующей гостиницы для самых бедных он снова задерживается, беседует с ее обитателями и опять продолжает свой путь. Так весь вечер бродит он от ночлежки к ночлежке. Быть может, это совсем уж несчастный бродяга, у которого не хватает денег даже на самый дешевый ночлег.

Вдруг какая-то женщина подходит к нему и почтительно склоняет голову, а «бродяга» с улыбкой благословляет ее размашистым крестным знамением. И сразу же стало ясно, что никакой это не нищий, а новый епископ Шанхайский. Правда, его ряса действительно больше похожа на нищенское рубище, а на ногах у него нет обуви. И все равно это самый настоящий епископ — владыка Иоанн Максимович, недавно приехавший в Китай из Югославии. Но почему он так странно выглядит? И что делает в этих грязных закоулках?

Дело в том, что в Шанхае тогда проживало много русских. Эти люди, так же как и сам владыка, вынуждены были оставить родину после революции. На чужбине им пришлось очень несладко. Многие из них

совсем обнищали и превратились в жалких оборванцев. Владыка Иоанн стал помогать этим несчастным чем только мог: деньгами, продуктами, добрым словом, молитвой.
А в потрепанной одежде ходил потому, что не считал возможным щеголять в обновках, когда люди вокруг бедствуют.

Но были в шанхайских трущобах те, кому приходилось хуже всех. Это нищие беспризорные дети. Обидеть их мог каждый, а заступиться за них было некому. Поэтому именно о них владыка Иоанн заботился в первую очередь. Сразу же по прибытии в Шанхай он организовал приют для сирот и детей нуждающихся родителей. За свое пятнадцатилетнее существование этот приют дал убежище многим сотням мальчиков и девочек.

Владыка сам собирал больных и голодающих ребят с улиц и из темных городских закоулков. Одну девочку он привел в приют, выменяв ее у китайца за бутылку водки.

Денег на содержание воспитанников всё время не хватало. Но зато рядом с ними всегда был владыка Иоанн, любивший приютских детей как своих собственных. А настоящая любовь может творить чудеса даже в самых безвыходных обстоятельствах.

Одна из воспитательниц приюта, Мария Александровна Шахматова, рассказывала о таком удивительном случае: «Однажды во время войны нищета приюта достигла таких пределов, что кормить детей было в прямом смысле нечем, а было их тогда в приюте как минимум девяносто человек. Наш персонал негодовал, потому что архиепископ Иоанн продолжал приводить новых детей, некоторые из которых имели родителей, а следовательно, мы были вынуждены кормить еще и чьих-то детей.

Однажды вечером, когда он пришел к нам — изнуренный, обессиленный, замерзший и молчаливый, я не смогла сдержаться и

высказала ему всё, что было на душе. Я сказала, что мы, женщины, не можем больше мириться с этим, видеть эти маленькие голодные рты, будучи не в состоянии дать им хоть что-то поесть. Я потеряла контроль над собой и в негодовании повысила голос. Я не только жаловалась, я была полна гнева за то, что он заставлял нас терпеть это. Он грустно посмотрел на меня и спросил: “В чем вы больше всего нуждаетесь?” Я ответила сразу же: “Во всем! На худой конец — в овсянке. Мне нечем кормить детей утром”».

Архиепископ Иоанн посмотрел на нее печально и поднялся наверх к себе. Затем она услышала, как он молится и бьет поклоны, причем так усердно и громко, что даже соседи стали жаловаться. Ее мучила совесть: в ту ночь она так и не смогла заснуть и задремала только под утро.

Разбудил ее звонок в дверь. Открыв, она увидела незнакомого господина — на вид англичанина, который сообщил, что представляет какую-то зерновую компанию, и у них остались лишние запасы овсяной крупы, поэтому он хотел бы узнать, можно ли найти ей применение, ведь здесь, как он слышал, есть дети. И тут же в приют начали вносить мешки с овсянкой.

В это время владыка Иоанн начал медленно спускаться по лестнице. Мария Александровна утратила дар речи, когда поймала его укоризненный взгляд. Она хотела упасть и целовать его ноги, но он уже ушел наверх продолжать молитву, теперь уже благодарственную.

Вот так, потихоньку, с Божией помощью, владыка Иоанн Максимович сумел, кроме детского приюта, организовать еще и госпиталь, и дом престарелых, и бесплатную общественную столовую…

Более всего он заботился о самых слабых и беззащитных. Но пришла пора, и все русские жители Шанхая оказались беззащитными перед лицом новых испытаний. Когда гражданская война в Китае вплотную

приблизилась к городу, оставаться там стало очень опасно. И русские люди обратились к международным организациям с просьбой дать им временное пристанище в любой стране. Откликнулись на этот призыв о помощи лишь власти Филиппин. Они предоставили беженцам маленький, почти необитаемый остров Тубабао. Туда и отправились из Шанхая на нескольких кораблях свыше пяти тысяч русских. Вместе со своей паствой отбыл на остров и владыка Иоанн Максимович.

Остров Тубабао был весь покрыт зарослями тропического леса. В этих джунглях беженцы расчистили себе место для лагеря. Никакого жилья на острове не было и в помине, поэтому устраиваться пришлось в старых армейских палатках. Но русским людям было не впервой обживать новые места. Из одной большой палатки сделали походную церковь, из другой — госпиталь для больных, из третьей — столовую… А через несколько недель в лагере сыграли первую свадьбу!

Жизнь стала понемногу налаживаться, как вдруг над палаточным городком нависла новая грозная беда. Дело в том, что остров Тубабао лежит на пути сезонных тайфунов — страшных ураганов, которые могут разметать в щепки даже деревянный дом. А от жалких русских палаток самый слабый тайфун не оставил бы даже клочьев. Ураганы бушевали над островом очень часто, и от этой напасти не было никакого спасения.

Но владыка Иоанн твердо верил, что Богу возможно всё. И стал каждую ночь обходить весь лагерь с молитвой, как когда-то в Битоле обходил спальни своих семинаристов. Вот тут-то даже местные жители убедились, что русский епископ — необыкновенный человек. Потому что за все те двадцать семь месяцев, что русские провели на Тубабао, тайфун пришел лишь однажды. Да и тот, приблизившись к острову, изменил свое направление и пронесся стороной, не причинив никому вреда. Филиппинцы говорили русским: «Пока ваш святой человек каждую ночь обходит лагерь и благословляет его со всех четырех сторон, нечего беспокоиться ни нам, ни вам».

Но Тубабао все равно был лишь временным пристанищем для русской колонии. Нужно было искать другое место для поселения, и владыка об этом хлопотал. Он отправился в Вашингтон, где встречался с властями, писал прошения и в итоге добился немыслимого: конгресс США по его просьбам изменил закон о въезде эмигрантов в страну. Теперь вся его паства получила возможность перебраться в Соединенные Штаты Америки. И как только русские покинули остров, страшный тайфун разрушил лагерь на Тубабао до основания…

Благодаря усилиям и молитвам владыки Иоанна шанхайские беженцы переселились с Тубабао в американский штат Калифорния. А самого владыку церковное руководство снова направило на другой конец земли — в город Париж, столицу Франции. Новый епископ Западно-Европейский быстро завоевал любовь парижан. Как и в Шанхае, он помогал бедным, регулярно посещал городские госпитали, беседовал с больными, молился о них Богу. Часто после его молитв выздоравливали даже совсем безнадежные пациенты.

Все нравилось парижанам в новом епископе. И лишь одно обстоятельство их смущало: владыка Иоанн, как и прежде, ходил по улицам босиком. Французы так и прозвали его — Saint Jean Pieds (Святой Иоанн Босой). Ну так то́ французы, а вот русским верующим было чуть-чуть неловко: что за диво такое — их епископ ходит босой? Как-то неприлично. Это же все-таки не тропический остров, а Париж!

Кончилось тем, что написали они жалобу митрополиту Анастасию. Тот прислал владыке письмо, в котором просил его все же носить на улице обувь и не смущать народ. Обрадованные этим прихожане поспешили преподнести своему епископу новые ботинки.

Владыка принял дар, поблагодарил. И… продолжал ходить босиком. А подаренные ботинки везде носил с собою, держа их за шнурки.

Прихожане возмутились и еще раз пожаловались церковному начальству. Митрополит снова написал владыке Иоанну: «Как же так? Почему ты не слушаешься? Немедленно надень ботинки!» И получил от него ответ: «Вы писали, чтобы я носил ботинки, но не написали, чтобы я их надел. Вот я и носил их, как мне было удобнее. А теперь, конечно же, надену». И с тех пор владыка Иоанн ходил по Парижу только в ботинках.

Иоанн Шанхайский закончил свое служение Богу и людям в американском городе Сан-Франциско, где он провел последние три года своей жизни. О его святости свидетельствуют по всему миру сотни и даже тысячи людей, получивших по его молитвам чудесную помощь. Спустя двадцать семь лет после его кончины Церковь

прославила Иоанна Шанхайского в лике святых. Когда вскрыли гробницу, его тело оказалось нетленным, то есть таким же, каким его похоронили.

Но даже смерть святого епископа не лишила людей его чудесной помощи. В тяжелые моменты жизни, когда никакие земные силы не могут помочь беде, многие христиане обращаются к нему с просьбой о помощи. И получают ее, потому что на Небесах святитель Иоанн Шанхайский по-прежнему любит всех людей и помогает им так же, как и в земной своей жизни.

Как выглядит святой человек? Да вот так и выглядит: небольшого роста, с косматой шевелюрой, босой, в поношенной рясе… Не нужно этому удивляться. Ведь не во внешности человека заключается его святость, а в любящем сердце, всегда устремленном к Богу и к ближнему. Именно через таких людей в мир изливается любовь Божия. Как изливалась она через сердце самого необычного епископа Русской Зарубежной Церкви — святителя Иоанна Шанхайского.

Рисунки Валерия Кожина

Святые в море

Кто в море не ходил, тот Богу не молился — так говорили наши русские поморы, отважные мореходы и путешественники. Действительно, на берегу человеку жить куда спокойней. Даже в самую страшную непогоду, когда небо затянуло черными тучами, когда сверкают молнии, ветер рвет из рук зонтик и дождь льет как из ведра, все равно знаешь: под ногами у тебя твердая земля. А значит, уже через несколько минут ты будешь у себя дома пить горячий чай, сидя в уютном кресле.

Но все тут же меняется, если представить, что в такую же бурю ты стоишь на палубе маленького суденышка в открытом море. Вокруг бушуют огромные волны высотой с трехэтажный дом. Корабль то поднимается на самый гребень такой водяной горы, то стремительно летит с него вниз, в бурлящую бездну между волнами. Палуба кренится так, что устоять можно, лишь крепко схватившись за штормовой леер — специальную веревку, натянутую вдоль корабельных надстроек от носа судна до кормы. При особо сильных порывах ветра волны перекатываются через палубу. И горе тому, кто в

этот момент оказался у них на пути, не успев спрятаться в трюм или в рубку.

Да и в трюме тоже во время шторма невесело. Доски, из которых сделан корпус кораблика, трещат от напора воды. Сквозь просмоленные щели потихоньку протекает вода. Всего каких-то пять сантиметров дерева отделяет тебя от бушующей снаружи воды. И ты не знаешь, удержат ли борта корабля этот неукротимый напор морской стихии.

В такие минуты человеку остается лишь обратиться к Богу с просьбой о защите и помощи. И ставшие для нас такими привычными слова «Господи, помилуй!» моряки во время бури говорили совсем иначе, чем на берегу.

Среди кипящей от штормовых шквалов воды человек действительно ощущает себя приговоренным к смерти. Здесь, на краю гибели, просьба к Богу о помиловании для него — самое важное дело и последняя надежда на спасение. А когда Бог поможет морякам выжить и благополучно добраться до родного берега, благодарственные молитвы сами собой рождаются в их сердцах. Вот поэтому и говорили мудрые поморы: кто в море не хаживал, тот Богу не молился.

Но тут кто-то, быть может, скажет: «Неужели вера моряков сильнее, чем вера святых, которые всю жизнь свою посвятили молитве?» Что можно на это сказать… Силу веры и молитвы каждого человека знает один лишь Господь. Он и рассудит, у кого она была больше. А мы можем лишь сказать, что и святые тоже плавали на парусных кораблях, тоже попадали в различные переделки и тоже обращались к Богу в горячих искренних молитвах. Несколько таких морских историй о святых мы сейчас расскажем.

Апостол Павел

Это случилось, когда святого апостола Павла за проповедь Евангелия отправили на суд к самому римскому императору. Путь из Палестины в Рим лежал через Средиземное море. Павла и некоторых других узников поручили сотнику царского полка по имени Юлий. Через несколько недель их корабль причалил к острову Крит.

Здесь Бог открыл Павлу, что дальше плыть опасно, надвигается буря. Павел сказал об этом Юлию и капитану корабля, но они лишь посмеялись над ним и велели команде ставить паруса.

Едва корабль вышел в открытое море, поднялся сильный ветер. Волны захлестывали палубу, а низкие тучи цеплялись за верхушку мачты. Не было видно ни солнца днем, ни звезд ночью. Четырнадцать дней буря носила корабль по морским просторам. Моряки и узники уже не знали, где находятся. От страха и отчаяния они перестали есть и ждали смерти. Один лишь Павел был спокоен. Он утешал измученных штормом людей и говорил им:

— Нужно было послушаться меня и не отходить от Крита. Но поверьте мне хотя бы теперь и перестаньте бояться, потому что ни один из вас не погибнет. Ангел Божий явился мне в эту ночь и сказал: «Павел! Все плывущие с тобой на этом корабле останутся живы». Поэтому ободритесь. Я верю Богу, что будет так, как мне сказано.

И уговаривал всех принять пищу со словами:

— Это послужит к сохранению вашей жизни. Ешьте, ни у кого из вас не пропадет даже один волос с головы.

Потом сам взял хлеб, возблагодарил Бога пред всеми и, разломив, начал есть. Тогда все люди на корабле тоже стали принимать пищу.

Наутро показалась земля и моряки направили корабль к ней. Но недалеко от берега корабль наскочил на мель. Его нос увяз в песке, а корма разбивалась силою волн. Воины хотели перебить всех узников, чтобы кто-нибудь, выплыв, не убежал. Но сотник Юлий хотел непременно спасти Павла и запретил воинам убивать заключенных. Он велел всем умеющим плавать первыми броситься в воду и плыть к берегу. Спустя несколько минут смелые пловцы уже стояли на суше и махали руками оставшимся на корабле. Глядя на них, и другие тоже решились плыть — одни на досках, другие — на чем пришлось из корабельных вещей. И все спаслись!

Оказалось, что корабль разбился возле острова с названием Мелит. Его обитатели были очень добры к потерпевшим кораблекрушение. Они тут же разложили огонь, чтобы промокшие люди могли обогреться и высушить одежду.

Пока остальные путешественники грелись у костра, Павел помогал местным жителям. Он принес охапку хвороста и бросил ее в огонь. А в хворосте пряталась змея. Спасаясь от огня, она впилась ядовитыми зубами в руку Павла. Когда островитяне увидели висящую на его руке змею, они испугались и говорили друг другу:

— Наверное, этот человек убийца, если Бог покарал его укусом змеи даже после спасения из моря.

Но Павел лишь стряхнул змею в огонь и пошел дальше собирать хворост для обогрева товарищей. Островитяне ждали, что у него будет воспаление или он внезапно упадет мертвым, как это обычно бывает с укушенными змеей. Но Павел как ни в чем не бывало ходил между кострами, подбадривал товарищей, помогал ослабевшим. Тогда островитяне решили, что перед ними не грешник, а один из богов — покровителей острова. Такие уж переменчивые в своих мыслях были эти язычники.

Начальник острова принял спасенных в свой дом и три дня дружелюбно угощал их. Отец его в это время лежал, страдая горячкою и болью в животе. Павел вошел к нему, помолился и, возложив руки на больного, исцелил его. Узнав об этом, к Павлу потянулись больные со всего острова. Павел никому не отказывал и всех исцелял именем Иисуса Христа.

Лишь спустя три месяца путешественники уже на другом корабле покинули остров.

Святитель Николай Чудотворец

Путешествие по морю — дело опасное. Вроде бы ничего не предвещает бури. День солнечный, чайки кричат над волной, попутный ветер надувает тугие паруса. Вдруг — черная полоса возникает на горизонте. Она стремительно приближается, растет. И вот уже видно, что это — клубящиеся темные тучи, в которых посверкивают молнии. А ветер становится все сильнее, волны все выше. Море вокруг корабля вскипает, с гребней водяных валов летят клочья пены. Хлещет дождь, тучи закрывают солнце, становится темно почти как ночью, и только всполохи молний на мгновение озаряют все вокруг холодным белым светом. Так приходит шторм.

Матросы, словно проворные обезьяны, карабкаются на мачты, чтобы убрать паруса, пока ветер не набрал полную силу. Если этого не сделать, шторм может сломать мачты. Корабль, словно ореховую скорлупку, швыряет с одной водяной горы на другую так, что кажется: еще немного — и разлетится он на кусочки.

Даже бывалым морякам не по себе, когда корабль попадает в такую передрягу. А уж про пассажиров что и говорить… У них и вовсе сердце уходит в пятки и дрожит там, словно перепуганный заяц.

В такой страшный шторм на Средиземном море попал однажды святитель Николай. Правда, тогда он еще был простым священником, впервые покинувшим родной город.

Буря разыгралась так сильно, что даже отважный капитан корабля и его храбрые матросы пришли в ужас. А пассажиры, словно обезумевшие, метались по трюму, рыдая от страха. И только священник Николай повел себя не так, как все. Вместо того чтобы плакать и дрожать, он принял решение делать хотя бы то, что было возможно в этой ситуации. А что можно делать, когда вокруг — страшный шторм и помочь погибающим испуганным людям может один лишь Бог? Остается только просить Его о помощи. Священник Николай вышел на палубу, встал на колени и начал молиться. Прошло совсем немного времени, и прямо на глазах у изумленных моряков тучи стали рассеиваться. Через несколько минут в небе опять сияло солнышко. Шторм утих. Восторгу моряков и пассажиров не было предела! Еще бы: ведь они уже готовились погибнуть. С радостью принялись они благодарить Николая за свое чудесное спасение. А он стоял на палубе и не знал, куда деться от этих восторженных криков. Наконец, раздвинув окруживших его людей, он спустился в трюм. Ведь Николай знал, что корабль спас вовсе не он, а Бог, которому он молился об этом спасении. И вообще этот решительный человек не любил, когда его хвалили и чествовали.

А тем временем на корабле приключилась новая беда. Шторм кончился, матросы резво полезли на мачты — ставить паруса. И вдруг один из них сорвался, упал на деревянную палубу и разбился насмерть. Такое горе… Ну да что поделать: мертвого не воротишь. И тут кто-то из опечаленных моряков сказал:

— С нами плывет человек, который молитвой спас корабль от неминуемой гибели. Давайте попросим его помолиться еще раз, может быть, он спасет и нашего товарища.

Но Николай не стал ждать, пока его попросят. Поднявшись на палубу, он увидал столпившихся у мачты людей, подошел к погибшему моряку и снова стал молиться. И тут, на глазах у всех собравшихся, только что лежавший бездыханным человек вдруг сел на палубу и протер глаза, будто пробудившись от сна.

Моряки с благоговейным страхом смотрели на Николая, который продолжал молитву. Наконец капитан спросил:

— Как ты это делаешь? Ведь мертвого невозможно воскресить.

— Это сделал не я, а Бог, — ответил Николай, поднимаясь с колен. — Я лишь просил Его воскресить вашего друга. А Бог может все, и теперь вы сами в этом убедились.

Святой праведный воин Федор Ушаков

Не только пассажирами выходили в море на кораблях святые. Есть среди них и настоящий моряк. Это святой праведный воин Федор Ушаков. Краса и гордость русского флота, человек-легенда, он прославился не только многочисленными военными победами, но также — своим христианским благочестием и настоящей отеческой любовью ко всем морякам, служившим у него под началом. Одним из главных его подвигов на море была победа над турецким флотом.

В 1787 году Турция, не смирившаяся с потерей Крыма, предъявила России ультиматум с требованием возвратить полуостров. Россия

ответила отказом. Началась Русско-турецкая война. Русскому Черноморскому флоту было тогда всего 4 года. И он должен был принять бой с мощным, закаленным в сражениях, вдвое превосходящим по количеству кораблей турецким флотом. Мог ли тут рассчитывать на победу капитан бригадирского ранга Федор Федорович Ушаков?

Если бы он полагался лишь на орудийные батареи своего корабля, то, конечно же, нет. Но благочестивый милосердный христианин, племянник преподобного Федора Санаксарского, твердо верил, что все в руках Божьих. И потому в Севастополе прилежно молился в маленькой церкви святителя Николая Чудотворца, покровителя моряков, чтобы даровал Господь ему вразумление, как осилить неприятеля.

И вот наконец у острова Фидониси сошлись в неравном бою русская и турецкая эскадры. Турками командовал знаменитый моряк Эски Гасан, которого называли «крокодилом морских сражений». Этот самый «крокодил» выстроил свои двадцать пять кораблей в линию и собирался без особых трудностей уничтожить русские корабли. Но Ушаков, вместо того чтобы устраивать обычную в таких случаях перестрелку, вдруг повел свои корабли на сближение с головными кораблями турецкой эскадры. Турки прекратили стрельбу и собрали команду на палубах для абордажного боя, когда матросы перепрыгивают на вражеские корабли с саблями в руках и бьются уже врукопашную. В этот момент, убрав паруса и уменьшив скорость, Ушаков приказал бить в упор из всех орудий по бортам неприятельских кораблей.

Огонь русских пушек был точным и сокрушительным. Эски Гассан пытался помочь своим кораблям, издали открыв огонь по «Святому Павлу» — флагману адмирала Ушакова. Но произошло то, на что и рассчитывал Федор Федорович: эти снаряды попадали в более высокие турецкие корабли, которые теперь закрывали русские парусники от ядер, выпущенных с самого мощного турецкого корабля, где

капитаном был «крокодил морских сражений». К такому необычному способу ведения морского боя турки были не готовы.

Потеряв множество матросов во время стремительной атаки русских кораблей, Эски Гассан с позором увел свои корабли к берегам Турции. Что касается потерь русских, то после переклички в команде Ушакова не оказалось ни одного убитого. Это была самая первая победа русского флота на Черном море.

Турецком султану очень не по нраву пришлись победы Ушакова. Чтобы разбить ненавистного Ушак-пашу (так уважительно называли Федора Федоровича турки), султан перебросил на Черное море флот из африканских владений под предводительством пирата-алжирца Саит-Али. Тот пообещал, что разобьет русских, а самого Ушакова привезет султану в деревянной клетке. Но одно дело — хвастаться, а другое — воевать.

Ушаков напал на эскадру возле мыса Калиакрия, у берегов северной Болгарии. Первым же ядром с русского флагмана на алжирском корабле вдребезги разнесло фор-стеньгу (так называют на флоте верхушку мачты). Деревяшка от стеньги отлетела в Саит-Али, тяжело ранив его в подбородок. Окровавленный алжирский предводитель, не так давно похвалявшийся, что возьмет Ушакова в плен, был унесен с палубы в каюту. Передавали, что будто бы наш адмирал, проходя в пылу сражения под самой кормой алжирца, закричал ему с юта по-русски: «Саит-бездельник! Я отучу тебя давать такие обещания!»

В этом бою Ушаков совершил невиданный по своей смелости маневр — провел свои корабли между стоявшей на якорях эскадрой турок и береговой батареей, палящей по русским изо всех орудий. Это было, конечно же, опасное решение. Но Ушаков никогда не рисковал просто так, наудачу.

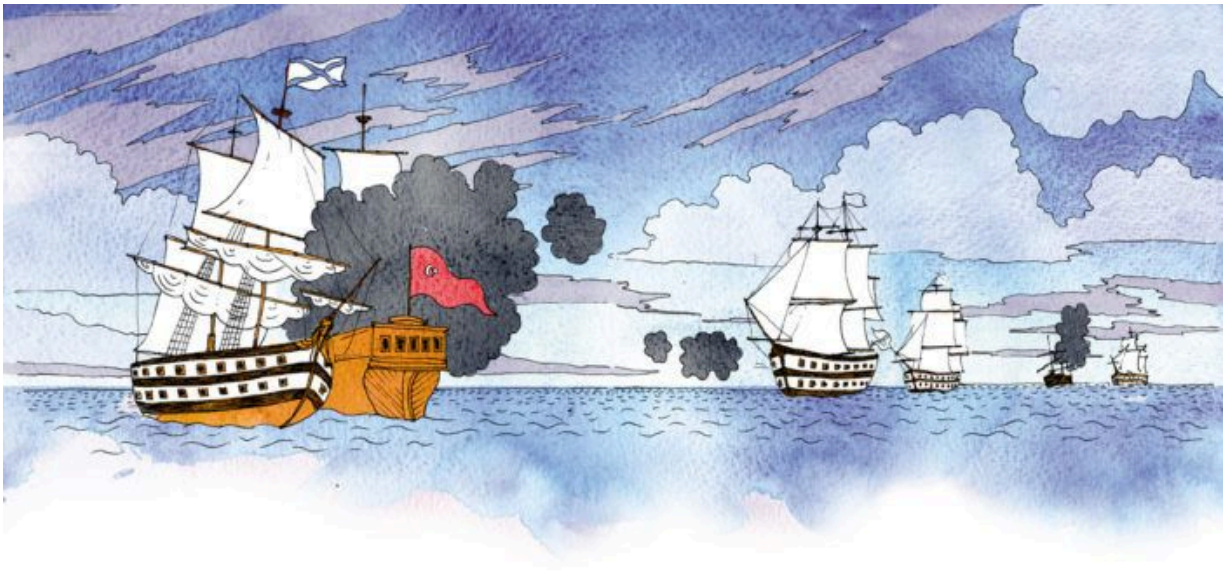
Атакованные с неожиданной стороны турецкие корабли не смогли вовремя перестроиться, и были настолько стеснены, что из-за неразберихи даже начали стрелять друг в друга. Лишь десять кораблей с большими повреждениями сумели уйти тогда от Ушакова. Жалок был их вид, когда прибыли они в Стамбул: поломанные мачты, зияющие в бортах пробоины. В довершение всего корабль самого Саит-Али, войдя на рейд, стал на виду у всех тонуть и пушечными залпами просить о помощи… Турецкий султан был настолько напуган увиденным зрелищем и известием о сокрушительном поражении своего флота, что немедленно поспешил заключить мир с Россией.

Четыре года шла война. Четыре крупных боя дал в ней контр-адмирал Ушаков врагу и все выиграл. Российское государство твердою ногою встало на берегах Черного моря, отвоеванного у турок.

За всю жизнь он не проиграл ни одного морского сражения, а во время этих сражений не потерял ни одного своего корабля. Но главный талант Федора Ушакова был в умении по-настоящему любить каждого человека, независимо от его звания и чина. Он всегда по-отечески заботился о матросах, служивших на его кораблях. Ведь во времена парусного флота капитан на судне был грозной фигурой, вершителем людских судеб. А простой матрос — бесправным существом, которого даже самый младший офицер мог обругать или ударить за любую провинность.

Но Федор Ушаков был в этом смысле необычным капитаном. На его кораблях к матросам было совсем иное отношение: Ушаков всегда следил, чтобы их досыта кормили и не наказывали без причины. Помещения в нижних палубах, где жили матросы, он приказывал регулярно проветривать, чтобы матросы не болели. Во время каждого боя принимал меры, чтобы потери в командах кораблей были как можно меньшими. И даже к врагам он всегда был великодушен и милосерден.

* * *

Кто в море не ходил, тот Богу не молился. И потому совсем не случайно моряки издавна считают своим покровителем святителя Николая Чудотворца. Ведь и ему самому тоже доводилось обращаться к Богу на корабле под грохот волн и завывание штормового ветра.

А святой праведный воин Федор Ушаков перед каждым боем молился не только о победе, но еще и о том, чтобы уберечь матросов от гибели, увечий и плена.

Святой апостол Павел, хоть и не был моряком, но в своих миссионерских путешествиях много раз выходил в море. И, конечно же, всегда молился на кораблях точно так же, как во время своего последнего плавания на суд к императору.

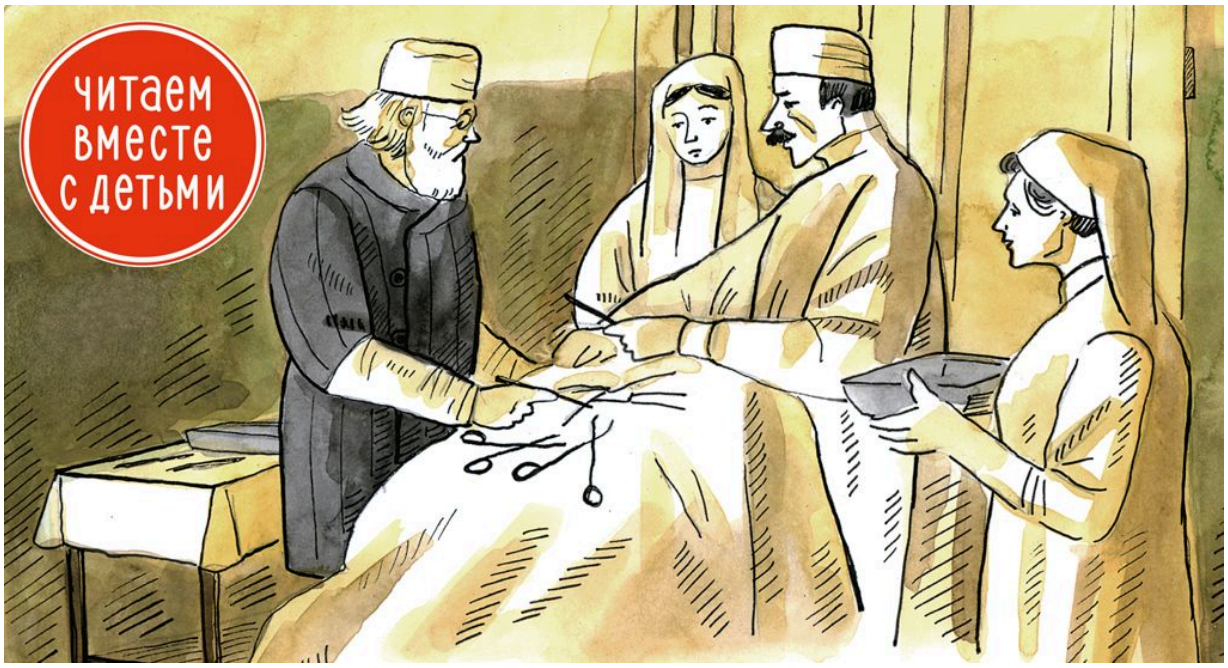
Такие разные святые с разной судьбой, жившие в разное время… Но есть у них общая черта: все они молились во время плавания не за себя, а за других людей. За всех, кто пал духом перед лицом неминуемой гибели, и даже воззвать к Богу о помощи у них уже не хватало сил и веры. Вот за них-то и молились святые на море. Молились, стремясь поддержать других и помочь ближним твердостью своего упования на милость Божью. А это ведь и есть самая настоящая христианская любовь, когда о других заботишься

даже больше, чем о себе. И наверняка среди наших поморских мореходов тоже были люди, способные на такую самоотверженную молитву за ближних. О них-то и сложил народ эту мудрую присказку: кто в море не ходил, тот Богу не молился.

Автор рисунков: Галина Воронецкая

Удивительная история святого врача

Как мальчик Валентин стал всемирно известным хирургом

Сколько важных событий может вместиться в одну человеческую жизнь? Сколько добрых дел способен сделать один человек за те годы, что были ему отпущены?

Тут бывает по-разному. Кто-то успевает больше, кто-то меньше. Кто-то и вовсе идет по жизни так, будто вышел на веселую прогулку, а важные и добрые дела пускай подождут. Но бывает так, что с виду самый обычный человек вдруг словно бы превращается в сказочного богатыря и начинает совершать настоящие чудеса. Правда, волшебной палочки у него нет. Зато есть железная воля, острый глаз и твердая рука. А самое главное — есть чуткое сердце, отзывчивое на чужую боль, желающее помогать людям во что бы то ни стало. Такому человеку Бог дает силы сделать людям столько добра, что потом о нем будут слагать легенды, писать книги, снимать кино. А в Церкви его прославят как святого.

Именно так прожил свою земную жизнь удивительный человек — Лука (Войно-Ясенецкий).

Неожиданное решение

Жил в Киеве мальчик по имени Валентин. И не собирался он становиться ни врачом, ни монахом, ни профессором, ни епископом. Зато очень любил рисовать. У него это получалось ну очень хорошо. И, конечно же, Валентин мечтал стать художником. Что может быть лучше — в красивом берете, с кистью в руке стоять перед холстом и, пристально вглядевшись, наносить новый мазок краски на будущую картину! Молодой живописец с отличием окончил Киевскую художественную школу и уехал в далекий германский город Мюнхен, чтобы учиться там секретам художественного мастерства у

знаменитого профессора Книрра. А потом… Потом вдруг вернулся в Киев и поступил на медицинский факультет университета! Конечно, его родственники тут же всполошились. Как? Почему? Что за странный выбор для талантливого художника? Но ответ Валентина изумил всех еще больше, чем его выбор: «Я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей».

Так Валентин Войно-Ясенецкий стал студентом-медиком. Родственники постепенно успокоились. Ну а что, врач тоже профессия почетная, не хуже живописца. Придешь, например, в богатый дом к заболевшему графу. Прислуга тебе тут же: «Ах, доктор, проходите пожалуйста. Давно вас ждем». А сам граф лежит в постели весь больной, третий день кашляет и чихает. Ты не спеша садишься рядом на стул, и говоришь: «Ну-с, ваше сиятельство, извольте снять рубаху». Трубочкой его слушаешь, потом ставишь градусник. Смотришь температуру, и озабоченно качаешь головой. Граф испуганно смотрит на тебя. А ты так важно говоришь: «Да, ваше сиятельство. Болезнь серьезная. Хорошо, что вы ко мне вовремя обратились». Выписываешь ему рецепт на порошки с микстурой и обещаешь прийти через два дня. Прислуга тебя проводит до дверей, поможет надеть пальто. А в карман — конверт с деньгами за лечение. Ведь хорошая же профессия, даже лучше, чем картины рисовать!

Но Валентин и тут сумел всех удивить. Еще на четвертом курсе он объявил всем, что собирается стать земским врачом и уедет в деревню лечить крестьян. Студенты и преподаватели все только плечами пожимали. Лучший ученик факультета, отличник, умница, и вдруг — в деревню, к грязным нищим крестьянам? А ведь ему уже готовили в университете место преподавателя на кафедре анатомии! Но такой уж у Валентина был характер: решил — значит, так тому и быть.

А чтобы лучше подготовиться к будущей нелегкой работе, Валентин стал каждый день посещать городскую больницу и лечить там бедных людей. Иногда в больнице не хватало места для новых больных. Тогда

Валентин распоряжался, чтобы их отвезли к нему в квартиру. Там в большой комнате его мама разгораживала койки простынями и получался домашний лазарет. Валентин лечил своих домашних пациентов, а мама готовила им вкусный борщ и кашу с компотом. Так началась его карьера врача, которой суждено было продлиться много десятилетий.

Как Валентин исцелял слепых

Валентин решил стать, как он говорил, «мужицким врачом», помогать людям, живущим в деревне. А одним из самых свирепых недугов в тогдашней деревне была болезнь-ослепительница — трахома. Люди заболевали ею из-за того, что печки в деревне тогда топились «по-черному». Так называют печь, в которой дым уходит не в трубу, а прямо в помещение, все равно как если бы прямо посреди комнаты развели костер. Потом дым выходил в открытую дверь, но пока печь топилась, людям приходилось либо сидеть на полу, либо вовсе выходить из дома. Стены и потолок в избах с такими печками были черными от сажи. Но самое печальное — у людей от дыма глаза начинали слезиться, потом болеть, а потом вообще наступала слепота. Тысячи крестьян страдали тогда от трахомы.

И Валентин решил им помогать своим врачебным искусством. Для этого он стал углубленно изучать способы хирургического лечения этой болезни и устроился работать в глазную клинику. Там он делал ослепшим беднягам операции на глазах. И люди начинали видеть. Был случай, когда после операции у Войно-Ясенецкого прозрел юноша, потерявший зрение еще ребенком и по этой причине вынужденный нищенствовать. И знаете, что сделал на радостях этот прозревший

юноша? Собрал со всей округи нищих слепых, и они пришли к дому молодого врача длинной вереницей. Слепые шли за исцеленным юношей, словно вагоны за паровозом — каждый держался за посох того, кто шел впереди. И, конечно же, Валентин вернул зрение и им тоже.

В другой раз он излечил от слепоты целую семью — мужа, жену и четверых ребятишек. После операции один из детей, девятилетний мальчик, впервые увидел мир, который до этого знал лишь по звукам, запахам и на ощупь. Когда к нему подвели их коня, на котором семью привезли в больницу, мальчик сначала не узнал его. Но потом, ощупав животное, радостно закричал: «Да это же наш Мишка!»

Доктор с крестом на груди

Прошли годы. Валентин Феликсович стал опытным врачом, спас тысячи жизней. Во время Русско-японской войны оперировал наших раненных солдат прямо на поле боя. Написал несколько научных работ, за которые получил почетное звание доктора медицины. Казалось бы, ничего не предвещало каких-то серьезных перемен в его жизни. Но тут перемена случилась в жизни всей России. После революции к власти в стране пришли большевики. Это были люди, которые не верили в Бога и всячески боролись с Церковью: закрывали храмы, сбрасывали колокола с колоколен, срывали со стен иконы и сжигали их на костре. Священникам тогда пришлось очень тяжко. Их оскорбляли, плевали им в спину на улице, без всякой вины могли арестовать, избить и даже расстрелять. И вот в такое страшное время уважаемый всеми врач и преподаватель университета Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий вдруг снова всех удивил.

Однажды он появился в больничном коридоре… в рясе и с наперсным крестом на груди. Войно-Ясенецкий стал священником! Правда, оперировал в тот день, конечно, без рясы, а как обычно, в медицинском халате. Но помощнику, который во время операции обратился к нему по имени-отчеству, ответил спокойно, что Валентина Феликсовича больше нет, есть священник отец Валентин.

«Надеть рясу в то время, когда люди боялись упоминать в анкете дедушку-священника, когда на стенах домов висели плакаты: “Поп, помещик и белый генерал — злейшие враги Советской власти”, — мог либо безумец, либо человек безгранично смелый. Безумным Войно-Ясенецкий не был…» — вспоминает бывшая медсестра, работавшая с отцом Валентином.

Лекции студентам он читал также в священническом облачении. Перед каждой операцией молился, благословлял больных, рисовал йодом на теле крест, и лишь после этого делал первый надрез скальпелем. И, конечно же, на стене в операционной у него висела икона Спасителя.

Большевикам это очень не нравилось. И вот однажды в больницу пришел приказ — убрать икону из операционной. В ответ на это главврач Войно-Ясенецкий снял халат, надел рясу и ушел из больницы. Сказал, что вернется, только когда икону повесят на место. Конечно, ему отказали. Но вскоре после этого в больницу привезли больную жену самого большого городского начальника. Ей срочно нужно было сделать операцию, а она возьми и заяви: буду оперироваться только у Войно-Ясенецкого и ни у кого больше. Что было делать властям? Пришлось повесить икону обратно в операционную.

Очень смелый священник

Смелость священника-хирурга, казалось, не имела границ. Ради помощи людям он всегда был готов на риск, даже пред лицом смертельной опасности. Однажды, его вызвали в суд по «делу врачей», которых обвиняли в том, что они нарочно плохо лечат солдат в госпитале. Конечно, это все были выдумки, врачи старались изо всех сил. Но большевик Петерс, известный своей жестокостью, решил всем показать, как ловко он умеет находить врагов советской власти. Для этого он устроил показательный суд, на котором присутствовало множество народу. Врачи, сидевшие на скамье подсудимых, понимали, что никто не осмелится выступить в их защиту и пойти против грозного Петерса. И уже готовились к неминуемой смерти.

Войно-Ясенецкого на этот суд вызвали как специалиста, лучше всех разбирающегося в медицине. Что же он сделал? Когда ему предоставили слово, он неоспоримо доказал, что врачи невиновны, и разбил лживые доводы обвинения в пух и прах. Видя, что победа ускользает из его рук, выведенный из себя Петерс набросился на самого отца Валентина:

— Скажите, поп и профессор Ясенецкий-Войно, как это вы ночью молитесь, а днем людей режете?

— Я режу людей для их спасения, а во имя чего режете людей вы, гражданин общественный обвинитель? — парировал тот.

Удивительная история святого врача

Зал разразился смехом и аплодисментами.

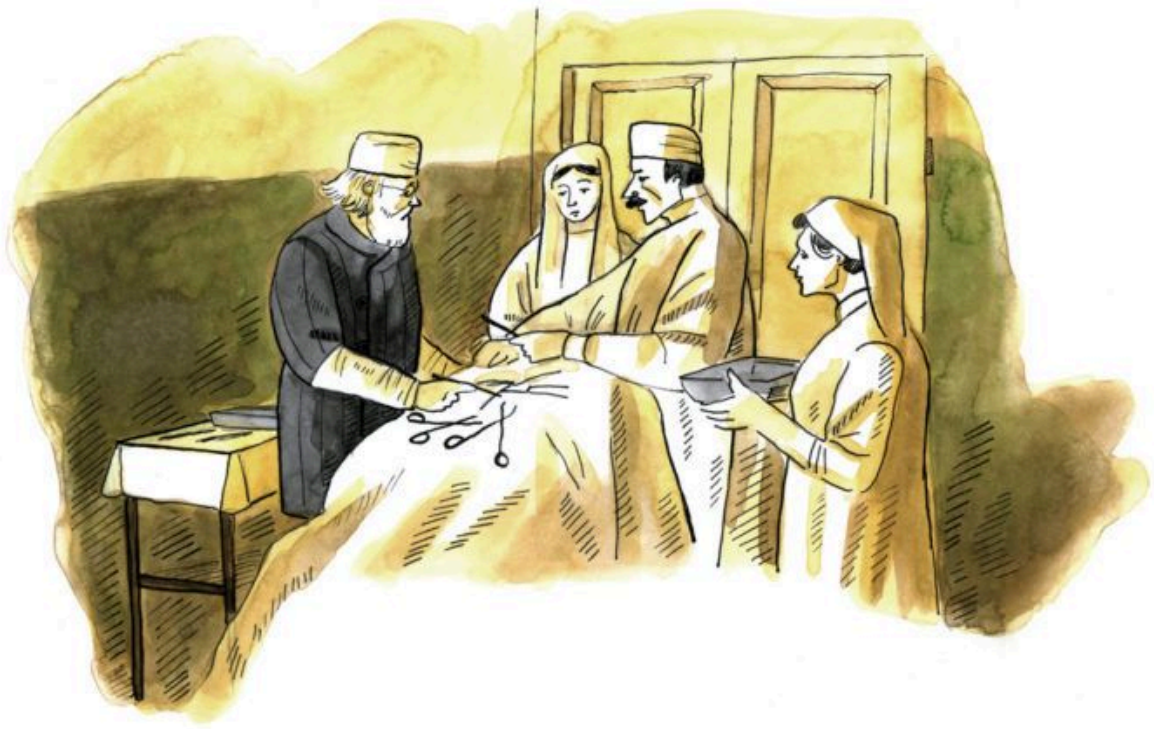
Петерс не сдавался:

— Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы видели своего Бога?

— Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель. Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил.

Петерс побледнел от злости. Председатель суда изо всех сил звонил в колокольчик, призывая публику к порядку. Но весь зал хохотал над тем, как ловко и умно священник-хирург ответил на лукавые вопросы большевика. «Дело врачей» с треском провалилось. Конечно, такая смелость Божьего служителя не могла долго оставаться безнаказанной

у власти, ненавидевшей Бога. Недалек был уже тот день, когда и самого Войно-Ясенецкого безвинно осудят и бросят в тюрьму.

11 лет в тюрьмах и ссылках

В 1923 году Войно-Ясенецкий принял монашеский постриг и получил новое имя — Лука. Вскоре он был тайно рукоположен в епископы — это высшая степень священства в Церкви. А спустя неделю его арестовали по такому же нелепому обвинению, как и в «деле врачей». В тюрьме он оказался рядом с ворами, бандитами и убийцами. Несладко приходилось епископу Луке в такой компании. Но он и здесь оставался защитником тех, кому приходилось совсем туго. Лечил больных заключенных, облегчал их страдания. А однажды увидел молодого вора, которого бросили в камеру без верхней одежды, и он умирал от холода. Святитель Лука подошел к нему и надел на него свой полушубок. После этого даже воры стали относиться к нему с уважением.

Суд приговорил его к ссылке. Но когда поезд с осужденным святителем должен был отправиться в путь, паровоз еще долго не мог тронуться с места. Что за удивительное явление? А ничего удивительного. Просто множество людей, любивших святителя Луку, узнали, что его увозят неизвестно куда из их города. Тогда они целой толпой пришли на вокзал и легли на рельсы перед паровозом, чтобы задержать поезд.

Так началась история тюремных заключений и ссылок святителя Луки. В общей сложности ему, честному и ни в чем не виновному человеку, за свою веру во Христа предстояло провести в тюрьмах и ссылках 11 лет.

Трижды побывал в ссылках на Севере епископ-хирург. Но и среди сибирских снегов он продолжал лечить людей. Однажды, только прибыв по этапу в город Енисейск, святитель Лука пошел прямо в больницу. Представился заведующему больницей, назвал себя, сказал, что он — доктор медицинских наук, и попросил разрешить ему оперировать. Заведующий посмотрел на него внимательно. Перед ним стоял мужчина в грязной рваной телогрейке. Немытый, небритый, с неприятным запахом после нескольких недель в теплушке, набитой заключенными… Хорош «доктор медицинских наук», ничего не скажешь! Как бы от него побыстрей отделаться? И заведующий решил схитрить: «Знаете, а у меня плохой инструмент — нечем делать операции, особенно, специалисту вашего уровня». Однако хитрость не удалась: странный гость попросил показать ему инструменты. Увидев их, обрадовался, тут же назвал фирму-производителя, и сказал, что это очень хороший комплект. Пришлось заведующему скрепя сердце разрешить странному доктору в рваной телогрейке приступить к операциям. Тем более что хирургов в больнице не хватало.

На ближайшие дни была назначена сложная операция… Едва начав ее, первым широким и стремительным движением Лука рассек скальпелем брюшную стенку больного. «Мясник! Зарежет больного», — промелькнуло в голове у заведующего, который ему помогал. Лука

заметил его волнение и сказал: «Не беспокойтесь, коллега, просто у меня твердая рука и я привык делать разрезы быстро. Положитесь на меня». Операция прошла превосходно. Потом врачи Енисейской больницы еще не раз восхищались виртуозными приемами нового хирурга.

«Это не мои приемы, — возражал Лука, — а приемы хирургии. У меня же просто хорошо натренированные пальцы. Если мне дадут книгу и попросят прорезать скальпелем строго определенное количество страниц, я прорежу именно столько и ни одним листком больше». Ему тут же принесли книгу. Листки, как назло, были совсем тоненькими. Но епископ Лука пощупал бумагу, проверил остроту скальпеля и одним уверенным движением сделал надрез. Пересчитали листочки — порезано было ровно пять, как и просили.

Но однажды епископа Луку за его непокорность безбожным властям сослали в такую даль, где не было никаких больниц. «На Ледовитый океан!» — кричал в злобе начальник, решавший его судьбу. Ну, не на сам океан, конечно. На побережье. Дальше сослать человека было невозможно, разве только высадить на Северный полюс.

Наверное, там, на берегу холодного океана и пропал бы совсем святитель Лука. Но Бог спас его через человека, от которого меньше всего можно было ждать помощи. Владыку конвоировал молодой милиционер, который понимал, что везет его на верную смерть. Милиционер пожалел Луку, и вместо назначенного побережья океана доставил в местечко Плахино, за 200 километров от Полярного круга. В глухом поселке стояло три избы, в одной из них и поселили владыку. Он вспоминал: «Вместо вторых рам были снаружи приморожены плоские льдины. Щели в окнах не были ничем заклеены, а в наружном углу местами виден сквозь большую щель дневной свет. На полу в углу лежала куча снега. Вторая такая же куча, никогда не таявшая, лежала внутри избы у порога входной двери. Весь день и ночь я топил железную печку. Когда сидел тепло одетым за столом, то выше пояса было тепло, а ниже — холодно».

Случай на вручении медали

С началом Великой Отечественной войны ссыльный епископ был назначен главным хирургом госпиталя в Красноярске, а потом — консультантом всех красноярских госпиталей. Он прооперировал и вернул в строй тысячи раненных солдат. И стал, наверное, единственным человеком в мире, которому военные отдавали честь поднятой… ногой. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня, — вспоминал владыка. — Когда я обходил палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами».

После победы, когда ему торжественно вручали медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–45 гг.», Войно-Ясенецкий опять сумел удивить всех. В ответ на поздравления он произнес такую речь, от которой у большевистских начальников волосы встали дыбом: «Я вернул жизнь и здоровье сотням, а может, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы не

схватили меня ни за что ни про что, не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей вине». Вручавший медаль начальник стал было говорить, мол, пора бы уже забыть прошлое и жить настоящим и будущим. Но владыка Лука ответил: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!»

Что главное в жизни?

Святитель Лука всю жизнь был чуток к чужим бедам. За книгу «Очерки гнойной хирургии», ставшей учебником для всех студентов-медиков страны, ему дали Сталинскую премию. Огромные деньги! Что же делает с ними Лука? Большую часть премии он пожертвовал на детей, пострадавших от последствий войны. А еще — устраивал обеды для бедных. А еще рассылал денежную помощь священникам, пострадавшим от большевиков. Однажды он увидел на ступеньках больницы девочку-подростка с маленьким мальчиком. Выяснилось, что их отец умер, а мать надолго положили в больницу. Владыка повел детей к себе домой, нанял им нянечку, и она присматривала за ними, пока не выздоровела их мама и не забрала их.

В 1956 году архиепископ Лука полностью ослеп. Человек, который в юности начал свою медицинскую практику с исцеления других от слепоты, на склоне дней сам потерял зрение. Но там, где бессильна медицина, начинает творить чудеса сила Божья. Ослепший святитель Лука продолжал принимать больных, молясь об их выздоровлении.

Многие по его молитвам выздоравливали и потом рассказывали об этом чуде.

Святитель скончался в Симферополе рано утром 11 июня 1961 года, в воскресенье, в день Всех святых, в земле Российской просиявших.

В 2000 году Архиерейский Собор причислил архиепископа Луку к лику святых нашей поместной Церкви.

Так сколько же добрых дел может сделать человек за те годы, что были ему отпущены Богом? А вот, наверное, это и не важно — сколько. Святитель Лука уж точно их не считал. Просто всегда и везде помогал тем, кто нуждался в помощи.

И эти простые его слова звучат сегодня как завещание всем нам: «Главное в жизни — делать добро. Если не можешь делать для людей добро большое, постарайся совершить хотя бы малое».

Рисунки Екатерины Гавриловой

Растения в Евангелии

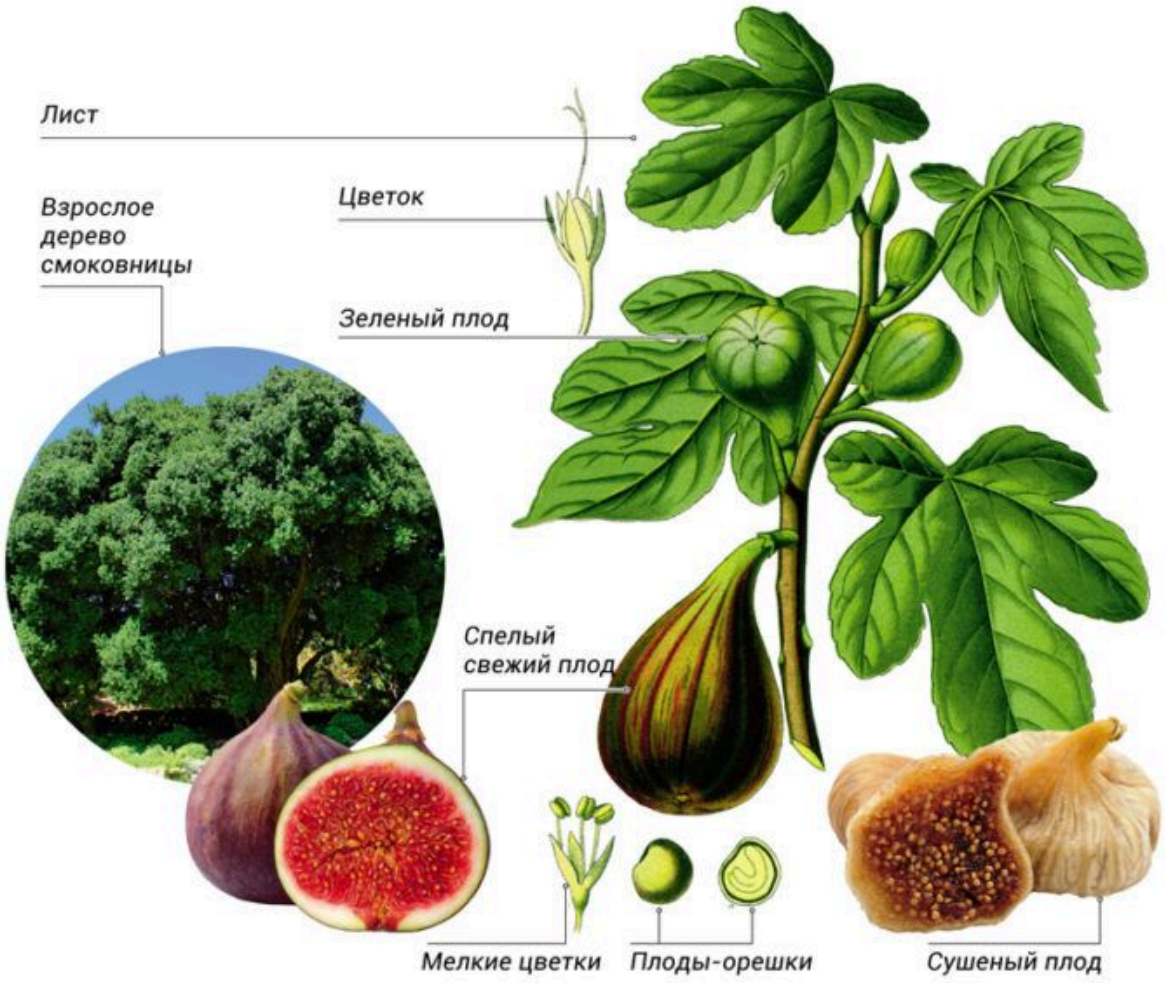

В каждой истории есть главное ее содержание и есть малозначительные детали — описание различных бытовых мелочей, деревьев, животных, погоды, одежды людей… Казалось бы, убери эти пустяки — и ничего в истории не изменится: герой останется героем, враг — врагом, предатель — предателем. И все же именно такие описания делают любой рассказ живым, помогают нам лучше понять мир, в котором происходили описываемые в истории события.

Евангелие — рассказ о нашем спасении, которое совершил воплотившийся Бог Иисус Христос. Это главное содержание Евангелия. Но есть в нем и детали. Иисус тридцать три года жил среди людей на Земле. Он ел и пил, работал, одевался, ездил на ослике, срывал плоды с деревьев, жарил на костре рыбу. А в Своих проповедях использовал образы, взятые из жизни пастухов и виноградарей, пахарей и рыбаков. Все эти описания тогдашнего палестинского быта словно бы раскрашивают евангельское повествование живыми красками, делают его ближе, доступней. Ведь и сегодня мы живем среди деревьев и трав, трудимся, готовим себе пищу, содержим

животных. И кто знает, быть может, именно через такие второстепенные детали для кого-то станут более понятными и главные смыслы Евангелия. Например, через вот этот рассказ о некоторых из упомянутых в Евангелии растениях.

Смоковница

Смоковница — одно из самых часто упоминаемых растений в Новом Завете. Под ней Иисус чудесным образом видел будущего ученика Нафанаила и в доказательство Своего Божества сказал ему об этом видении: … Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: *прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя (Ин 1:48).*

Смоковницу проклял Он, когда нашел дерево бесплодным: *…и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла (Мф 21:19).*

Наконец, именно на смоковницу залез низкорослый сборщик налогов Закхей, чтобы увидеть Иисуса, окруженного толпой: *...И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, взлез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее (Лк 19:2–4).*

Что же за дерево эта самая загадочная смоковница? Яблоню или грушу, например, мы знаем очень даже хорошо. На вишню, сливу или абрикос тоже доводилось взбираться за вкусными ягодами. А вот со смоковницей как-то не заладилось. И немудрено, ведь в наших краях она не растет. Зато плоды ее мы пробовали не раз, пускай и в сушеном виде. Дело в том, что смоковница — это инжирное дерево. А растущие на ней смоквы — обыкновенный инжир, который можно прямо сейчас пойти и купить в любом магазине. Правда, свежий инжир редко можно встретить на прилавках, ведь этот плод очень быстро начинает портиться даже при самом бережном хранении. Именно поэтому ещё в древности люди научились сушить смоквы. Сушеный инжир — продукт очень питательный, всего несколькими ягодами можно подкрепиться на целых полдня. Недаром им запасались воины Александра Македонского, собираясь в поход.

Дерево смоковницы, на котором сидит Закхей. Средневековая миниатюра

Историческая родина смоковницы — Малая Азия, но сейчас инжир распространен по всему побережью Средиземного моря. В нашей стране он возделывается на Черноморском побережье Краснодарского края. Инжир считается одним из самых древних культурных растений. Это значит, что смоковница — одно из первых растений, которые

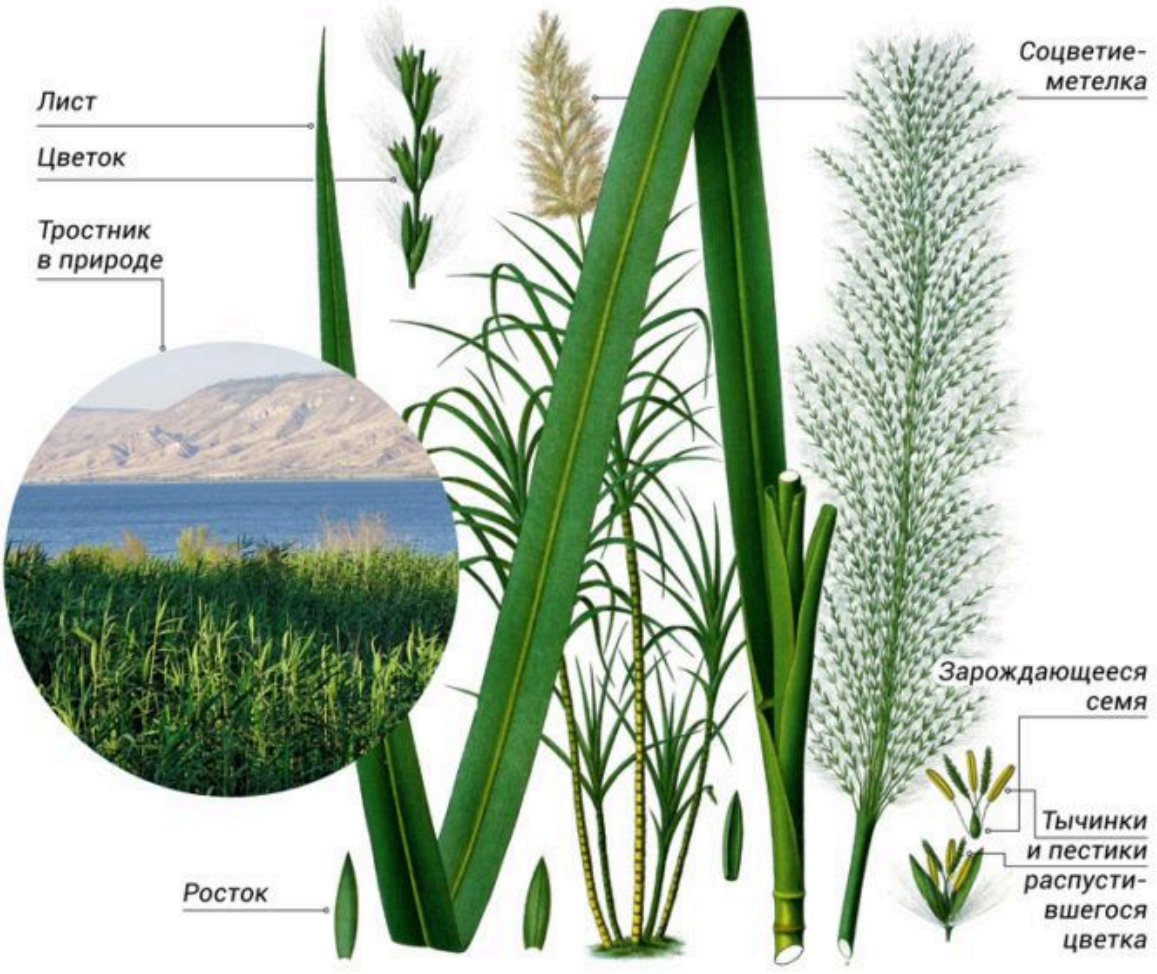
человек стал специально выращивать в своих садах. Смоковница — довольно большое дерево с толстым стволом, высотой достигающее 12 метров. В тени ее густой листвы приятно отдохнуть в жаркий день, наслаждаясь сладкими плодами. Выражение «сидеть под своей смоковницей» в Библии символизирует идеал блаженства и благополучия.

У смоковницы много интересных особенностей. Например, необычное закрытое соцветие, которое называется сикоий. Выглядит сикоий как крупная, полая внутри «ягода». У других плодовых деревьев цветки, а потом и плоды вырастают на концах цветоносных побегов — тех самых «хвостиков» от яблок, груш, вишен и слив. У смоковницы же сикоии вырастают прямо на стволе и крупных ветвях. На внутренней поверхности сикония, укрытые от внешнего мира, располагаются многочисленные мелкие цветки. Из них-то потом внутри и вызревают плоды-орешки, окутанные вкусной мякотью. А то, что мы считаем плодом инжира, на самом деле и есть тот самый сикоий, закрытое соцветие.

Для того чтобы приносить ягоды, все плодовые деревья нуждаются в насекомых-опылителях. Садоводы специально ставят в садах ульи, чтобы трудяги-пчелы помогали саду дать урожай. Но как опылять цветки инжира, спрятанные внутри сикония? У смоковницы и здесь есть свои сюрпризы. Опыляет ее особый вид насекомых, осы-малютки. Для этого они пробираются в узкое отверстие на верхушке сикония. А живут эти помощники смоковницы прямо здесь, на дереве, по соседству с будущим урожаем. Дело в том, что на смоковнице появляются два вида сикониев. Одни из них — сочные, из которых потом вызревает инжир. Другие плодами не становятся. Эти соцветия нужны для того, чтобы малютки-осы откладывали в них свои личинки. Так, смоковница сама, без всяких садовников, готовит на ветвях домики для своих опылителей. Эти сикоии-домики очень сильно отличаются от инжирных ягод. Они более жесткие и мелкие, поэтому перепутать их с инжиром невозможно. Осы-малютки безобидны для человека, никогда не кусаются и ведут себя очень мирно.

За лето только одна смоковница дает около тонны инжира. Основной урожай она приносит в начале осени. Но сиконии она выпускает несколько раз в году. Самые первые соцветия появляются на ее ветвях ранней весной, еще до появления листьев. И среди них тоже есть сочные сиконии, дающие съедобные плоды, хотя их в эту пору совсем немного. Возможно, именно эти весенние плоды искал Иисус на смоковнице, описанной в Евангелии.

Трость, ветром колеблемая

Есть в Евангелии место, которое при первом прочтении бывает трудно понять. Речь идет о словах Иисуса, сказанных им после беседы с учениками Иоанна Крестителя: Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: *что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? (Мф 11:7).*Что это за трость? Ведь трость — это такая красивая палочка, на которую люди опираются при ходьбе. Но, чтобы можно было на нее опираться, она должна быть достаточно крепкой. Почему же она — ветром колеблемая?

На самом деле, тут произошла некоторая подмена смыслов в привычных для нас словах. Тростью в Евангелии назван тростник — растение, любящее сырость и обилие влаги. Тростник бывает

нескольких видов. Один из них, более известный под названием камыш, вырастает до четырех метров в высоту. Его коленчатые стебли покрыты узкими длинными листьями, а на верхушке заканчиваются крупным соцветием в виде пушистой метелки, распадающейся на многочисленные колосья. Сами стебли длинные, гибкие и прочные, почти как дерево. Именно из камыша и делали палочки-трости для прогулок. Вообще, камыш в древности использовался довольно широко. Поэтому его искусственно разводили для различных хозяйственных нужд. Так, например, твердые стебли шли на подпорки для виноградной лозы.

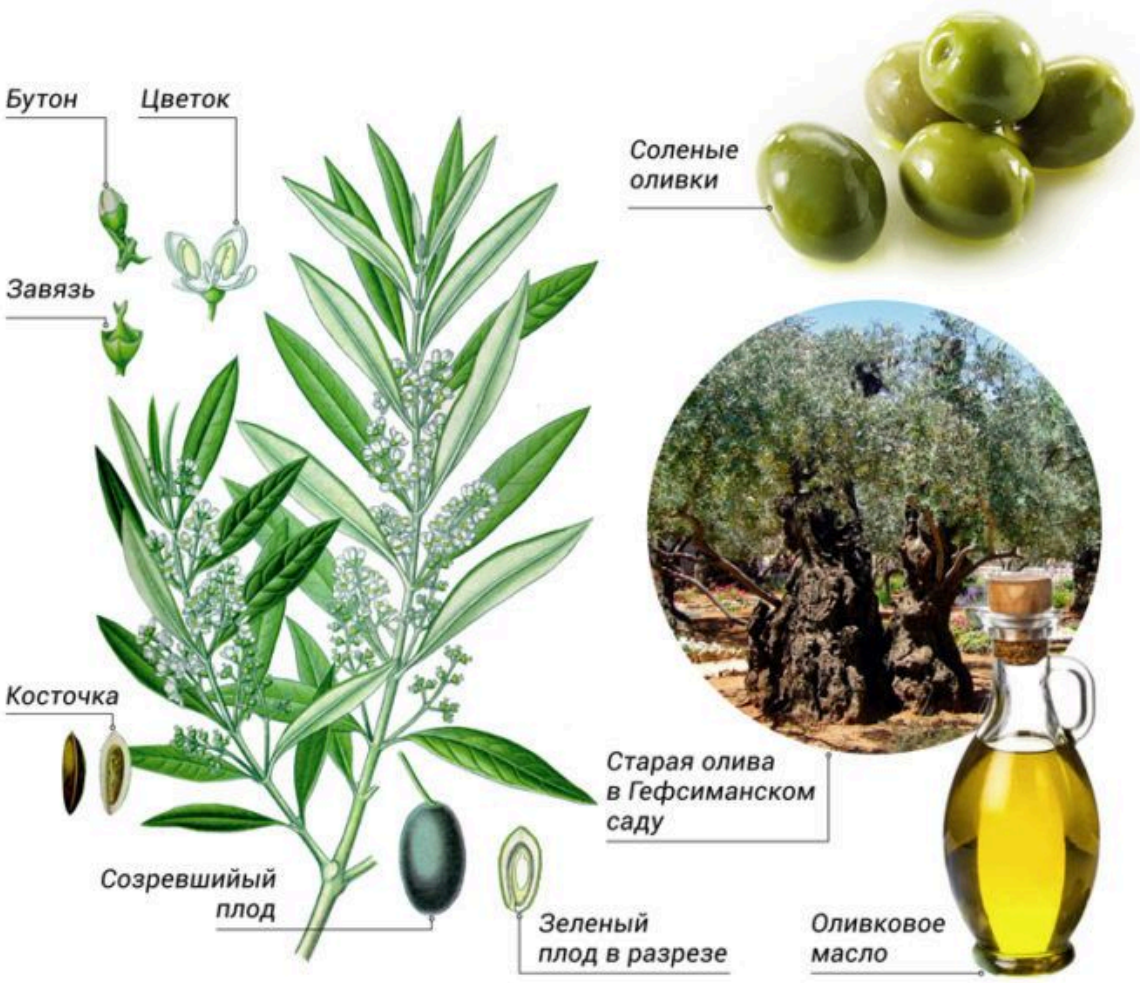
Камышовые трости упоминаются в самых трагичных местах Евангелия. Такую трость вместо скипетра — знака царской власти — дали в правую руку Христу воины, насмехавшиеся над ним (Мф 27:29–30). На камышовую же трость была наложена губка, напоенная уксусом и поднесенная к устам распятого на кресте Спасителя (Мф 27:48).

Но вернемся к трости, колеблемой ветром. Это другой вид растения, который так и называется — тростник. Внешне он похож на камыш, но стебель тростника ниже, тоньше, гораздо менее тверд и прочен. Что-либо полезное сделать из него невозможно, поэтому люди никогда не выращивали его специально. Тростник есть повсюду в сырых и болотистых местностях. Растет он и в Палестине по берегам реки Иордан, где проповедовал Иоанн Креститель. Тонкие стебли тростника легко склоняются в направлении даже самого слабого ветерка. Поэтому Иисус и упомянул образ тростника в словах об Иоанне. Вот как объясняет это святитель Григорий Двоеслов:

«Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Это сказал Он об Иоанне не утвердительно, а отрицательно. Ибо трость, как только подует ветер, тотчас склоняется на другую сторону. Таков тот, кто при благоприятных или неприятных обстоятельствах склоняется на ту или другую сторону. Ибо если из человеческих уст на него повеет ветер благоволения, он становится веселым, гордится и весь склоняется к благосклонности. Но если подует ветер неприязни оттуда, откуда дул ветер похвалы, то он быстро сгибается на противоположную

сторону, к силе ярости. Иоанн же не был тростью, колеблемою ветром, потому что ни благосклонность не делала его приветливым, ни чья-либо неприязнь — жестоким».

Елей милости Божьей

Есть в Евангельском описании Иерусалима место под названием Гефсиманский сад. Именно здесь Иисус ночью молился до кровавого пота. Здесь Его предал поцелуем бывший ученик. Здесь Он был связан и поведен на мучения и смерть. Гефсиманский сад расположен у подножия горы Елеонской. Оба названия какие-то непонятные и, на первый взгляд, никак между собой не связаны. Но стоит их перевести на русский язык, и связь сразу же станет очевидной. Дело в том, что «Елеон» в греческом языке означает — масличная. То есть гора, где растут маслины. Ну а «Гефсимания» переводится с еврейского как масличный пресс, специальное устройство для выжимки масла из плодов маслин.

Среди растительного мира маслины — удивительные долгожители. Из культурных деревьев, выращенных человеком, они живут дольше всех. Восемь таких маслин, возраст которых, по предположениям ученых, превышает 2000 лет, до сих пор растут в Гефсиманском саду. Некоторые ботаники даже утверждают, что оливковое дерево вообще может жить вечно, вновь и вновь получая новую жизнь от своих отростков, которые разрастаются из корней старой маслины и превращаются в новые, молодые деревья. Однако связь с родительским деревом у них сохраняется через корневую систему. Возможно, именно поэтому маслина стала в Библии символом семейного счастья и неразделимого единства рода: *сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей (Пс 127:3).*

Это дерево ветвистое и не очень высокое. Оно может расти на скалистых участках, неприхотливо в уходе, требует мало воды и переносит длительные засухи. Плоды маслины продолговатые и мясистые, похожие на сливу. Сперва они бывают зеленые, потом желто-коричневого цвета и, наконец, совсем созревшие темнеют дочерна. Выглядят спелые маслины очень аппетитно. Но если соблазниться и попробовать съесть такую ягоду, то ее сразу же выплюнешь. Горькая и даже немножко жжется во рту. Мы привыкли к тому, что раз ягода, значит, сладкая, ну или в крайнем случае — кислая. Но маслина в этом смысле совсем не похожа на привычные нам вишни или сливы. На вкус она сильно горчит. Поэтому из маслин не варят компоты и варенья. Их солят в бочках, как у нас солят огурцы и грибы. Соленые маслины очень вкусные. Но главная ценность этих плодов вовсе не в их вкусе. Из маслин делают знаменитое оливковое масло. Оливы — еще одно название все тех же маслин, только теперь уже на латыни. Маслина, елей, олива — все эти слова на разных языках имеют в своей основе слово «масло».

Именно ради него люди во все времена насаждали масличные сады. Оливковое масло сегодня используют по большей части лишь для приготовления салатов. Но в древнем мире это был незаменимый продукт, который служил человеку сразу в нескольких важнейших областях его жизни. Да, в древности оливковым маслом приправляли еду и использовали его для жарки. Но также это был и источник света:

лампы, освещавшие дома людей в темное время суток, тоже заправлялись оливковым маслом, как сегодня — лампады в церкви. А еще масло из плодов оливковых деревьев являлось основой для всевозможных лекарств — мазей, капель, микстур. Да и само по себе оливковое масло обладает целительным действием. Им размягчали струпья на ранах, обрабатывали различные повреждения кожи, принимали внутрь при болезни желудка.

Из-за этой целебной силы елей стал символом милости Божьей. Слова всем известной молитвы «Господи, помилуй!» в греческом языке звучат как «Кирие, элейсон!» — «Господи, помажь меня елеем Своей благодати!». А оливковая ветвь считается эмблемой мира и обновления потому, что во время всемирного потопа именно лист маслины стал вестником окончания катастрофы: *И помедлил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот — свежий масличный лист во рту у него — и Ной узнал, что вода сошла с земли (Быт 8:10–11).*

Необычайно широкое применение оливкового масла, а также неприхотливость и жизнестойкость маслины сделали это дерево самым распространенным из всех плодовых. Масличные сады люди разводят и на сухой песчаной почве, и на гористых местах. Собирают маслины тоже необычно. На земле расстилают два больших полотна — с двух сторон дерева. Получается квадрат 12х12 метров. Далее берут лестницу-стремянку, поднимаются повыше и специальным крупным гребнем, «вычёсывают» оливки с веток. Оливки просто падают вниз, на полотно. Когда все плоды с дерева собраны, полотно берут за края и высыпают урожай в ящики. Из плодов только одной маслины получается до 80 литров масла.

Для его приготовления берут самые зрелые маслины. Потом их несколько раз омывают в воде, вынимают косточки, и измельчают в мелкую маслянистую кашицу. Затем эту измельченную массу отжимают специальным прессом, и — пожалуйста! Очищенное от мякоти, из-под пресса течет ароматное, вкусное и полезное оливковое масло. То самое, которое люди в благодарность Господу за это чудо природы назвали елеем — милостью Божьей.

Где родился дед Мороз

Дед Мороз без шубы

Деда Мороза знают все. Даже самые маленькие дети запросто могут рассказать: кто он такой, как выглядит и зачем нужен. Этот сказочный старик с огромной белой бородой и добрыми глазами разносит детям подарки под Новый год. Правда, подсмотреть, как Дед Мороз это делает, никак не получается, потому что приходит он всегда тайком, когда все уже спят. Такой уж он скрытный и стеснительный. Зато если написать Деду Морозу письмо, то он обязательно письмо прочитает и положит под елку именно тот подарок, о котором ты просил.

Вот так примерно расскажет про Деда Мороза любой малыш. А ребята постарше добавят, что у него есть еще одно очень известное имя — Санта-Клаус, потому что так его зовут в Европе и в Америке. Там он кладет подарки в специально подвешенный чулочек, а в дом пробирается через каминную трубу. Санта-Клаус развозит подарки на оленьей упряжке, и Снегурочки-помощницы у него нет, но это уже мелочи. Кто знает, может быть, он только у нас в России пешком ходит, а вот в Америку — уже на оленях: дорога-то неблизкая, потому и Снегурочку с собой туда не берет. «Сиди-ка ты, — говорит, — внучка, дома. Ехать далеко, еще простудишься».

Вот что, наверное, рассказали бы ребята постарше. На то они и старшие, чтобы знать больше. Но есть вопрос, на который даже не всякий взрослый сможет правильно ответить: а где же родился Дед Мороз — Санта-Клаус? Вот тут-то закончатся умные ответы и пойдут сплошные предположения и гадания:

— Может быть, на Северном полюсе?
— Или в Лапландии?
— Или в Гренландии?
— Или еще в какой-нибудь северной стране?

Нет, нет, нет и еще раз нет! Даже не пытайтесь угадать, потому что совсем в другой части нашей планеты появился на свет настоящий, а не сказочный Санта-Клаус. Родился он… в Турции! Есть на юге этой страны такая область — Анта́лия, расположенная вдоль берега Средиземного моря. Климат там очень жаркий, вода в море теплая и прозрачная, для купания лучше места не найти.

Но при чем здесь Санта-Клаус? Ведь он-то как раз самый что ни на есть северный житель! И шуба у него на меху, и шапка, и олени тоже северные. Как же так могло получиться? А вот как. Дело в том, что у настоящего Санта-Клауса не было никакой шубы. Сами подумайте: температура воздуха в Анталии плюс тридцать пять градусов в тени. В меховой шубе там и пяти минут не утерпеть — выпрыгнешь из нее, словно из раскаленной печки, и побежишь скорее к морю охлаждаться. И северных оленей там никто отродясь не видывал. А вот большая борода была! И подарки были, тайком подброшенные. И еще много-много разных удивительных чудес.

А имя «Санта-Клаус» в переводе на русский язык значит — святой Николай. А на Руси этого святого во все времена так и называли: Николай Чудотворец. Иконы с его изображением можно увидеть в любом православном храме на самых почетных местах. Правда, там он совсем не похож на розовощекого Санту с поздравительных открыток. Добрым и немного печальным взглядом смотрит на нас с иконы худощавый старец. Как будто спрашивает: «Ну что, дорогие мои, в какой еще переплет вы попали, из какой беды нужно вас выручать?»

Своим покровителем его считают моряки, путешественники, рыбаки, шоферы, бедняки, дети…

Вот такая странная компания. А все потому, что святой Николай помогает каждому, кто к нему обращается за помощью. Ну а кто чаще других оказывается в безвыходной ситуации? Правильно: моряки, бедняки, путешественники… Кто чаще просит о помощи, тот ее чаще и получает.

Жил святой Николай очень давно — 1600 лет тому назад, но люди помнят и почитают его до сих пор. Что же такого особенного он делал? Как нужно было жить, чтобы и спустя шестнадцать веков твое изображение с любовью хранили миллионы людей по всему миру? Казалось бы, ничего особенного — обыкновенный человек. Просто он всегда поступал не так, как поступили бы на его месте все остальные. Святой — это ведь и значит: не такой, как все.

Вот несколько историй из его обыкновенно-необычной жизни.

Тайные подарки

Давным-давно на берегу Средиземного моря стоял город Пата́ра. Там был большой порт, куда приплывали корабли, нагруженные пряностями, зерном, тканями и всякими заморскими диковинами. В порту загорелые грузчики выносили тюки с товаром на берег и грузили их на лошадей и верблюдов. А матросы в это время ремонтировали свои корабли, штопали порванные ураганами паруса, готовились к новому плаванию.

В этом городе моряков, караванщиков и корабельных мастеров жил один молодой человек. Звали его Николай. Он был священником и часто общался с самыми разными людьми, которые приходили к нему в храм за советом и помощью. Несмотря на молодость, Николай был

очень мудрым и внимательным, каждому был готов помочь, каждого старался утешить.

Но вот однажды Николай получил наследств и стал очень богатым. А что обычно делают люди, когда богатеют? Ну конечно же, строят себе дворец из белого мрамора! С павлинами, фонтанами, персиковым садом и бассейном, в котором плавают золотые рыбки. А у входа ставят стражников, чтобы никто не мешал хозяину наслаждаться свалившимся на него счастьем. Так, наверное, поступили бы очень многие. Но Николай распорядился богатством совсем по-другому, не как все. Молодой священник хорошо знал беды и горести людей. И он стал раздавать свои деньги тем, кто в них нуждался. Правда, и это он тоже делал необычным способом.

Так, однажды Николай узнал, что один бедняк, замученный долгами, вконец отчаялся и решил продать трех своих дочерей в рабство. Друзья и родственники отговаривали его от безумного поступка, но бедолага только качал головой, плакал и говорил, что другого выхода у него нет, иначе дочки просто умрут с голоду. Тогда Николай дождался ночи, насыпал в мешочек золотых монет из своей казны и отправился к дому, где жил этот несчастный. Незаметно подкравшись, он бросил золото в окно и убежал поскорее, чтобы его никто не заметил. Утром бедняк проснулся и увидел на полу своей хижины мешок. Развязал его, а там — столько денег, что хватило и долги заплатить, и старшую дочку замуж выдать.

Через некоторое время Николай точно так же подбросил ему ночью второй мешок с золотом. Бедняк от радости даже затанцевал! Эти деньги он отдал в приданое второй дочери, а сам решил обязательно узнать, кто же ему помогает. Днем он отсыпался, а по ночам караулил таинственного благодетеля. Прошло время, и вот опять упал ночью тяжелый мешок на пол его хижины. Но в этот раз хозяин был начеку и сразу же выбежал на улицу. Поэтому не успел Николай скрыться. Бедняк упал ему в ноги и стал благодарить, но священник велел ему

подняться и взял с него клятву, что тот никому не расскажет о случившемся.

Почему же такой странный способ помощи избрал Николай? А дело в том, что бедняк этот был когда-то знатным человеком, но потом потерял все свое богатство и дошел до крайней нищеты. Священник боялся, что бывшему богачу стыдно будет принимать милостыню. Вот он и решил помогать тайком. А еще Николаю очень не хотелось, чтобы кто-то узнал о его помощи. Ведь если делаешь доброе дело напоказ, то получается, что оно не такое уж и доброе…

Но, видно, не сдержал бывший богач своей клятвы и рассказал об этой истории. Иначе откуда бы мы узнали о ней? Да и не только ему помогал Николай. Он кормил голодных, покупал нищим одежду, выкупал должников из рабства… И оттого очень быстро потратил на это все свои деньги, до последней копеечки. А по городу прошла молва о том, какой он добрый и бескорыстный человек. Тут бы и радоваться ему такой славе. Но Николай опять поступил необычно. Узнав, что в Патаре его стали почитать как святого, он сел на корабль и навсегда уплыл из родного города.

Морские приключения

Путешествие по морю — дело опасное. Вроде бы ничего не предвещает бури: день солнечный, чайки кричат над волнами, попутный ветер надувает тугие паруса. Но вдруг на горизонте возникает черная полоса. Она стремительно приближается, растет, и вот уже в клубящихся темных тучах сверкают молнии. Так приходит шторм.

Матросы карабкаются на мачты, чтобы убрать паруса, пока ветер не набрал полную силу. Если этого не сделать, шторм может сломать мачты. Корабль, словно ореховую скорлупку, швыряет с одной водяной

горы на другую так, что кажется: еще немного — и он разлетится на кусочки.

Даже бывалым морякам не по себе, когда корабль попадает в такую передрягу. А уж что и говорить про пассажиров! У них и вовсе сердце уходит в пятки и дрожит там, словно перепуганный заяц.

В страшный шторм на Средиземном море попал и Николай. Буря разыгралась с такой силой, что даже отважный капитан корабля и его храбрые матросы пришли в ужас. А пассажиры метались по трюму, рыдая от страха. И только Николай снова повел себя не так, как все. Вместо того чтобы дрожать и плакать, он вышел на палубу, встал на колени и начал молиться. Прошло совсем немного времени — и прямо на глазах у изумленных моряков тучи стали рассеиваться. А через несколько минут в небе опять сияло солнышко, шторм утих. Восторгу моряков и пассажиров не было предела! Еще бы: они уже готовились погибнуть! С радостью принялись они благодарить Николая за свое чудесное спасение. А он стоял на палубе и не знал, куда деваться от этих восторженных криков. Наконец, раздвинув окруживших его людей, спустился в трюм. Ведь Николай знал, что корабль спас вовсе не он, а Бог, которому он молился об этом спасении. И вообще этот человек не любил, когда его хвалили и чествовали.

Странный нищий

В любом большом городе много нищих и бродяг. Хватало их и в городе Ми́ры — столице древней страны Лики́и. Как и положено нищим, они сидели у входа в церковь или шумной толпой бродили по городскому рынку, выпрашивая милостыню. Вечером на собранные деньги они покупали себе в портовом трактире хлеба, сыра, дешевого вина и устраивали маленькую пирушку, которая иногда заканчивалась скандалами и дракой. А утром со свежими синяками и ссадинами снова шли побираться — кто на рынок, кто к церкви, кто в порт…

Но был среди городских нищих один, который вел себя не так, как остальные. Странный он был. Никогда не попрошайничал, не пировал вместе с другими нищими. И одежда у него всегда была чистая, хотя и потрепанная. Никто не знал, откуда он появился в Мирах, как его зовут и кто он такой. Сердобольные женщины, работавшие в храме, его иногда кормили: кусочек хлеба, миска каши, пара маслин… Худой и молчаливый, он стоял на церковных службах, а после помогал

женщинам мыть полы, чистить подсвечники. Так, в молитве и мелких хозяйственных делах, он проводил целый день, а к вечеру уходил. Где ночует странный нищий, тоже никто не знал.

И вот однажды в Мирах скончался архиепископ Иоанн — самый главный священник Ликии. Со всех концов страны съехались в город епископы и священники, чтобы избрать на освободившийся престол самого достойного. Думали-думали, решали-решали, а договориться никак не могут. Достойных людей много, а выбрать нужно лишь одного. Как тут поступить?

Стали молиться, чтобы Бог указал: кто должен стать главой всех ликийских священников. И самому старшему из епископов во время молитвы Господь повелел: «Отправляйся ночью к дверям храма и посмотри, кто первым придет с утра в церковь. Этот человек — Мой избранник. Его зовут Николай».

В эту же ночь получивший повеление епископ пришел к церковным дверям и стал ждать. Уже начало светать, когда послышались шаги, и на крыльце храма появился нищий. Тот самый, который каждый день раньше всех приходил в церковь молиться. Епископ остановил его и попросил назвать свое имя. Нищий молчал. Епископ снова спросил его о том же. И тогда нищий тихо ответил: «Имя мое — Николай».

Наверное, вы уже догадались, что необычным нищим был наш старый знакомый — священник из города Патары. Избегая почестей и людской славы, он покинул родной дом и после долгих путешествий стал жить в городе, где его никто не знал.

Действительно, очень странным он был, этот Николай. Когда ему предложили стать архиепископом, он… отказался! Все епископы и священники, а с ними и весь народ просили его об этом, а он отвечал, что недостоин. И согласился, лишь когда узнал об удивительном сне старшего епископа. Так Николай стал архиепископом Мирликúйским, то есть главным епископом ликийского города Миры.

Отброшенный меч

В одной из провинций Византийской империи вспыхнул мятеж. Для его усмирения из Константино́поля были посланы несколько кораблей с войсками. Но разыгравшийся шторм помешал плаванию, и корабли пристали к берегу возле маленького города неподалеку от Мир. Непогода усиливалась, и стоянка затянулась надолго. Запасы еды на кораблях подошли к концу. А воины — народ простой и грубый, да еще и с оружием. Ну зачем покупать у местных жителей хлеб, мясо и вино, когда все это попросту можно отнять силой! И стали они грабить и обижать бедных горожан.

Городское начальство боялось связываться с наглыми вояками. Возмущенные грабежами и притеснениями люди уже готовы были сами поднять восстание. И неизвестно, какой бедой закончилась бы эта история, если бы не вмешательство Николая. Узнав о народных волнениях в городе, он отправился туда и сумел уговорить военачальников прекратить безобразия их солдат.

Порядок в городке был восстановлен, виновные наказаны, а для воинского руководства и Николая благодарные жители устроили пир. Но в самый разгар угощения к столам прибежали несколько жителей Мир. Они со слезами рассказали Николаю, как, воспользовавшись его отъездом, градоначальник осудил на смерть троих ни в чем не повинных, уважаемых в городе людей. Подкупленный врагами осужденных, он никогда бы не решился на такой неправедный суд при Николае. Тот сразу же отправился в обратный путь.

На площадь, где обычно производились казни, он успел как раз к тому моменту, когда приговоренные со связанными руками уже стояли на эшафоте и палач собирался отрубить голову первому из них. Весь город знал о несправедливости приговора, но никто не решился заступиться за невинных людей. И снова один только Николай поступил не так, как прочие. Не говоря ни слова, он поднялся на эшафот, вырвал меч из рук палача, отбросил его в сторону и развязал несчастных, которые уже простились с жизнью. Народ с ликованием встретил своего архиепископа. Прибыл сюда и градоначальник. Николай посмотрел на него так печально, что тот упал на колени и попросил прощения перед всем народом.

Откуда взялись олени?

Вот таким человеком был Николай. Не боялся вступиться за слабых и обиженных, когда все остальные предпочитали молчать. Избегал славы, почета и высоких званий. Богатство свое раздал бедным, а сам стал жить в нищете, не имея даже крыши над головой… Действительно — странный. А ведь если разобраться, то все его странности можно объяснить очень даже просто: он с юных лет заботился о других людях больше, чем о себе.

Ну а меховую шубу и оленей сегодняшнему Санта-Клаусу «подарили» уже спустя полторы тысячи лет в Америке. Ведь переселенцы из Европы добирались туда по морю, а моряки и путешественники всегда считали святого Николая своим небесным покровителем. Расселившись по американской земле, люди продолжали любить святого, которому молились в своем трудном и опасном плавании через океан. Правда, со временем к подлинной истории его жизни добавились различные легенды и выдумки. А в середине XIX века

один американский школьный учитель придумал для своих детей стишок, где изобразил Санта-Клауса в виде эльфа, разъезжающего по небу на восьмерке северных оленей. Этот сказочный толстяк в ночь под Рождество тайком залезал через каминную трубу в дом и наполнял подарками детские чулочки.

Потом стишок случайно попал в газеты и настолько всем понравился, что этого сказочного Санту начали рисовать на поздравительных открытках и в детских книжках, делать его фигурки, изображать в представлениях и мультфильмах. Придумали ему и новую родину на Европейском Севере — Лапландию. Постепенно сказочный образ Санта-Клауса перекочевал в Европу, а затем и в Россию, где его стали называть привычным для русских сказок именем — Дед Мороз. «Столицей» Деда Мороза у нас считается город Великий У́стюг. Отсюда под Новый год и Рождество он отправляется по нашей стране с подарками для ребятишек.

А о том, что легенда о Санта-Клаусе основана на истории жизни настоящего святого — Николая Мирликийского, многие просто не знают. Зато он никогда не забывает о нас и всегда готов прийти на выручку всем, кто попал в беду. Только это уже не сказка, а самая настоящая правда.

Поэтому и сегодня в каютах моряков, в кабинах водителей и летчиков и даже над пультами управления космических кораблей висят вовсе не открытки с мультяшным Сантой, а иконы святителя Николая — человека, который чужую беду и боль всегда принимал как свою собственную. Добрым и немножко печальным взглядом смотрит с этих икон худощавый старец. Как будто спрашивает: «Ну что, дорогие мои, в какой еще переплет вы попали, из какой беды нужно вас выручать?».

Иллюстрации Татьяны Никитиной

Благодарим издательство «Настя и Никита» за предоставленный рассказ "Где родился Дед Мороз".

От издателя

«Фома» — православный журнал для сомневающихся — был основан в 1996 году и прошел путь от черно-белого альманаха до ежемесячного культурно-просветительского издания. Наша основная миссия — рассказ о православной вере и Церкви в жизни современного человека и общества. Мы стремимся обращаться лично к каждому читателю и быть интересными разным людям независимо от их религиозных, политических и иных взглядов.

«Фома» не является официальным изданием Русской Православной Церкви.

В тоже время мы активно сотрудничаем с представителями духовенства и различными церковными структурами. Журналу присвоен гриф «Одобрено Синодальным информационным отделом Русской Православной Церкви».

Если Вам понравилась эта книга — поддержите нас!